

Федор Сологуб

Федор Кузьмич Сологуб

Полное собрание стихотворений

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176049*

Аннотация

«... Нет внутренней обязательности в том, чтобы стихотворения Сологуба были именно стихотворениями. Они по духу своему не оправдывают своей формы, они большей частью лишены, чужды живой образности, но зато проникнуты холодной красотой безнадежной мысли и жутким звоном звенит их отточенный клинок. ...» (Юлий Айхенвальд)

Содержание

«В мечтанья погруженный...»	11
Гайдамаки	12
Рифма	14
«Спишь ты, матушка, в могиле...»	15
Ариадна	16
Проселок	17
«Пошел мне год уже двадцать второй...»	18
«Я из училища пришел...»	19
«Пятью восемь сорок...»	20
«Что моя судьбина...»	21
«Настала светлая минута...»	22
«Трепещет робкая осина...»	24
«Различными стремленьями...»	25
«Где ты делась, несказанная...»	26
«Больные дни мои унылы...»	27
«Приникни, пыль дорожная...»	28
«В весенний день мальчишка злой...»	29
«Верь, – упадет кровожадный кумир...»	30
«Я люблю весной фиалки...»	31
«Каждый день люблю подняться...»	32
«Что напишу? Что изреку...»	33
«Тогда насмешливый мой гений...»	34
«Под черемухой цветущей...»	35
«Я рано вышел на дорогу...»	36
«Порос травой мой узкий двор...»	37
«С врагом сойдись для боя злого...»	38
«Словно лепится сурепица...»	39
«Что в жизни мне всего милей...»	40
«Влачу бесцветное жите...»	41
«Ты слышишь гром? Склонись, не смейся...»	42
«После жизни недужной и тщетной...»	43
«Что жалеть о разбитом бокале...»	44
«Родился сын у бедняка...»	45
Счастье	46
«Как много снегу намело...»	47
«По жестоким путям бытия...»	48
«Станный сон мне снился: я кремнистой кручей...»	49
Утро	51
«Навек налажен в рамках тесных...»	52
Негодование	53
«Тепло мне потому, что мой уютный дом...»	54
«Безочарованность и скуку...»	55
«Уйдешь порой из солнечной истомы...»	56
«Стоит пора голодная...»	57
«Небо желто-красное зимнего заката...»	58
Восьмидесятники	59

«Стоит он, жаждой истомленный...»	60
«Вот у витрины показной...»	61
«Я также сын больного века...»	62
«Я ждал, что вспыхнет впереди...»	63
Ирина	64
«Ах, раздвиньтесь, стены душные...»	66
«Туман не редет...»	67
«Какая тишина! Какою ленью дышит...»	68
Творчество	69
«Сердцем овладевая злоба застарелая...»	70
«Холодный ветерок осеннего рассвета...»	71
«Устав брести житейскою пустыней...»	72
Лихо	73
В мае	74
«Я слагал эти мерные звуки...»	75
«Как высокая тонкая арка...»	76
«Тень решетки прочной...»	77
«Прильнул он к решетке железной...»	78
«Наш кот сегодня видел...»	79
«Люди такие презренные...»	80
«Вновь неудачи...»	81
«Мне была понятна жизнь природы дивной...»	82
«В пути безрадостном, среди немой пустыни...»	83
«Нет, не любовь меня влекла...»	84
«Грустная светит луна...»	85
«Иду я влажным лугом...»	86
«Что вчера пробегало во мне...»	87
«О смерть! я твой. Повсюду вижу...»	88
«Истомный зной, но мне отрадна...»	89
Костер	90
Качели	91
«Терцинами писать как будто очень трудно...»	92
«Блажен, кто пьет напиток трезвый...»	93
«О, если б сил бездушных злоба...»	94
«Мечтатель, странный миру...»	95
«Дождь неугомонный...»	96
Звездная даль	97
«Невольный труд...»	99
«Каждый день, в час урочный...»	100
Кремлев	101
1	101
2	102
3	103
4	104
5	105
6	106
7	107
8	108
9	109

10	110
11	111
12	112
13	113
14	114
15	115
16	116
17	117
18	118
19	119
20	120
21	121
22	122
23	123
24	124
25	125
26	126
27	127
28	128
29	129
30	130
31	131
32	132
33	133
34	134
35	135
36	136
37	137
38	138
39	139
40	140
41	141
42	142
43	143
«Каждый день, в час урочный...»	144
«Скользко-холодное...»	145
«Лампа моя равнодушно мне светит...»	146
«Сквозь кисейный занавес окна...»	147
Неурожай	148
«О царица моя! Кто же ты? Где же ты...»	149
Морозная даль	150
«Не быть никем, не быть ничем...»	151
«Светлой предутренней грезой...»	152
«Оболью горячей кровью...»	153
«Ты не знаешь, невеста, не можешь ты знать...»	154
«Живи и верь обманам...»	155
«Где грустят леса дремливые...»	156
«Вокруг меня зыбкая мгла...»	157
«Я устал, — я едва только смею дышать...»	158

«Думы черные лелею...»	159
«Есть тайна несказанная...»	160
«Слова твои строптивые...»	161
«Я душой умирающей...»	162
«Многоцветная ложь бытия...»	163
«Я любил в тебе слиянье...»	164
«Я люблю всегда далекое...»	165
«Толпы домов тускнели...»	166
«Я приготовился принять гостей...»	167
«Этот зыбкий туман над рекой...»	168
«На серой куче сора...»	169
«В тени аллей прохлада...»	170
«Покрыла зелень ряски...»	171
«Как бессвязный рассказ идиота...»	172
«В амфоре, ярко расцвеченной...»	173
«Нет, не одно только горе...»	174
«Истомил меня пасмурный день...»	175
«Словно бусы, сказки нижут...»	176
«Шум и ропот жизни скудной...»	177
«Покоряясь жажде странной...»	178
«Хорошо бы стать рыбачкой...»	179
«Приучив себя к мечтаньям...»	180
«Мне страшный сон приснился...»	181
«Кинул землю он родную...»	182
«На гулких улицах столицы...»	183
«Вдали, над затравленным зверем...»	184
«Расцветайте, расцветающие...»	185
«Дорогой скучно-длинною...»	186
«Вывески цветные...»	187
«Имена твои не ложны...»	188
«Грустные взоры склоняя...»	189
«Запах асфальта и грохот колес...»	190
«Одиночество – общий удел...»	191
«Царевной мудрой Ариадной...»	192
«Изменил я тебе, неземная...»	193
«В тишине бездыханной ночной...»	194
«Не понять мне, откуда, зачем...»	195
«Грозные невзгоды...»	196
Пилигрим	197
«На песке прихотливых дорог...»	198
«Не люблю, не обольщаюсь...»	199
«Не нашел я дороги...»	200
«Короткая радость сгорела...»	201
«Под одеждою руки скрывая...»	202
«Влачится жизнь моя в кругу...»	203
«На закат, на зарю...»	204
«Восставил бог меня из влажной глины...»	205
«Затаился в траве и лежу...»	206
Все во всем	207

«Я люблю мою темную землю...»	208
«Какие-то светлые девы...»	209
«Путь мой трудный, путь мой длинный...»	210
«Больному сердцу любо...»	211
«Из мира чахлой нищеты...»	212
«Люблю мое молчанье...»	213
«Усмиривши творческие думы...»	214
«Какие злые перемены...»	215
«Какой-то хитрый чародей...»	216
«Бывают дивные мгновенья...»	217
«Я – бог таинственного мира...»	218
«Просыпаюсь рано...»	219
«Поднимаю бессонные взоры...»	221
«Никого и ни в чем не стыжусь...»	222
«Никого и ни в чем не стыжусь...»	223
«Надо мною жестокая твердь...»	224
«Я лицо укрыл бы в маске...»	225
«Злое земное томление...»	226
«На меня ползли туманы...»	227
«За мельканьем волшебных узоров...»	228
«Не ужасай меня угрозой...»	229
«Порою туманной...»	230
«Ты печаль,но мерцала...»	231
«Над безумием шумной столицы...»	232
«Постройте чертог у потока...»	233
«Я не спал, – и звучало...»	234
«Близ одинокой избушки...»	235
«Живы дети, только дети...»	236
«В поле не видно ни зги...»	237
«Ускользящей цели...»	238
«Придешь ли ты ко мне, далекий, тайный друг...»	239
Утешающий свет	240
«Мелькающие годы...»	241
«Час ночной отраден...»	242
«Полуночною порою...»	243
«Под звучными волнами...»	244
«Суровый друг, ты недоволен...»	245
«Выйди в поле полночное...»	246
«Закрывая глаза, я целую тебя...»	247
«Не думай, что это березы...»	248
«Забыты вино и веселье...»	249
«Жаркое солнце по небу плывет...»	250
«Келья моя и тесна, и темна...»	251
«Долог мой путь утомительный...»	252
«О владычица смерть, я роптал на тебя...»	253
«Ты ко мне приходила не раз...»	254
«Не стоит ли кто за углом...»	255
«Не могу собрать...»	256
«Я лесом шел. Дремали ели...»	257

«На нем изношенный кафтан...»	258
«Белая тьма созидает предметы...»	259
«Отвори свою дверь...»	260
«Не понимаю, отчего...»	261
«Чернеет лес по берегам...»	262
«Идти б дорогою свободной...»	263
«Передрассветный сумрак долог...»	264
«Я иду от дома к дому...»	265
«Под кустами...»	266
«Иди в толпу с приветливою речью...»	267
«Есть соответствия во всем...»	268
«Если б я был к счастью приневолен...»	269
Окно ночное	270
«В его саду растет рябина...»	271
«О сердце, сердце! Позабыть...»	272
«Давно стараюсь, и напрасно...»	273
«Узкие мглистые дали...»	274
«Печальный дар анахорета...»	275
«Холод повеял в окно...»	276
«Язычница! Как можно сочетать...»	277
«Мечты о славе! Но зачем...»	278
«Не поверь лукавой лжи...»	279
«Мы людей не продаем...»	280
«Скучная лампа моя зажжена...»	281
«Вот минута прощальная...»	282
«Надо мною, как облако...»	283
«На улицах пусто и тихо...»	284
Огненный мак	285
«Ночь настанет, и опять...»	286
«Камыш качается...»	287
Другу неведомому	288
«Друг мой тихий, друг мой дальный...»	289
«Томленья злого...»	290
«Угас дневной надменный свет...»	291
«Я напрасно хочу не любить...»	292
Звезда Маир	293
1 «Звезда Маир сияет надо мною...»	293
2 «На Ойле далекой и прекрасной...»	294
3 «Всё, чего нам здесь недоставало...»	295
4 «Мой прах истлеет понемногу...»	296
5 «Мы скоро с тобою...»	297
6 «Бесстрастен свет с Маира...»	298
«В глубокий час молчания ночного...»	299
«О, жизнь моя без хлеба...»	300
«Дни за днями...»	301
«Вереницы мечтаний порочных...»	302
«Он шел путем зеленым...»	303
«Чиста любовь моя...»	304
«Забыв о родине своей...»	305

«Ты незаметно проходила...»	306
«Опять сияние в лампаде...»	307
«Пришли уставленные сроки...»	308
«Громадный живот...»	309
«Если трудно мне жить, если больно дышать...»	310
«Затхлый запах старых книг...»	311
«Ветер в трубе...»	312
«Ты ничего не говорила...»	313
Голос из публики	314
«Слабеют силы...»	315
«Цветик белоснежный...»	316
«Для чего в пустыне дикой...»	317
«День туманный...»	318
«Полуночная жизнь расцвела...»	319
«Дни безрадостно-пустынны...»	320
«Поет печальный голос...»	321
«Не надейся на силу чудесную...»	322
«Суровый звук моих стихов...»	323
«В дневных лучах и в сонной мгле...»	324
«Невеста тихая приходит...»	325
«Недотыкомка серая...»	326
«Давно мне голос твой невнятен...»	327
«Я томился в чарах лунных...»	328
«Рассвет полусонный, я очи открыл...»	329
«Иду в смятении чрезвычайном...»	330
«От курослепов на полях...»	331
«Плеснула рыбка под водой...»	332
«На распутии злом и диком...»	333
«Мне сегодня нездоровится...»	335
«Что ж, пойте, вы, артисты...»	336
«Зачем, скажи...»	337
«Порой повеет запах странный...»	338
«Не доживу до светлых дней...»	339
«Объята мглою вещей теней...»	340
«Своеволием рока...»	341
«Слышу голос милой...»	342
«Что таскать мне эту ношу...»	343
«Я сам себе создал обман...»	344
«Я воскресенья не хочу...»	345
«Забелелся туман за рекой...»	346
«Он промечтал всю ночь, пока в его окно...»	347
Ангел благого молчания	348
«Я ухо приложил к земле...»	349
«Преодолев тяжелое косненье...»	350
«Стремление гордое храня...»	351
«Любовью легкою играя...»	352
«Моя печаль в полночной Дали...»	353
«Прикован тяжким тяготением...»	354
«Воля к жизни, воля к счастью, где же ты...»	355

«Помнишь, мы с тобою сели...»	356
«Я печален, я грешен...»	357
«Ты в стране недостижимой...»	358
«Есть тропа неизбежная...»	359
«Грустное слово – конец...»	360
«Окрест – дорог извилистая сеть...»	361
Ведьме	362
«Жизнь проходит в легких грезах...»	363
«Он песни пел, пленял он дев...»	364
«Прохладная забава...»	365
«Прозрачный сок смолистый...»	366
«Не я воздвиг ограду...»	367
«Я страшною мечтой томительно встревожен...»	368
«Порочный отрок, он жил один...»	369
«Безгрешный сон...»	370
«Неустанное в работе...»	371
«Тропинка вьется...»	372
«Вдали от скованных дорог...»	373
«Как часто хоронят меня...»	374
«Никто не убивал...»	375
«В предутренних потьмах я видел злые сны...»	376
«Твоя душа – кристалл, дрожащий...»	377
«Балалайка моя...»	378
«Моя усталость выше гор...»	379
«Ветер тучи носит...»	380
«Изнемогающая вялость...»	381
«Иду в лесу. Медлительно и странно...»	382
«Холодная, жестокая земля...»	383
«Державные боги...»	384
«Мы скучной дорогою шли...»	385
Конец ознакомительного фрагмента.	386

Федор Сологуб

Полное собрание стихотворений

«В мечтанья погруженный...»

В мечтанья погруженный,
По улице я шел.
Я был король влюбленный,
Пред мной стоял посол.

От милой королевы
Кольцо принес он в дар.
Привет любимой девы
Зажег во мне пожар.

И вот в мою столицу
Спешит уже она,
В парчу и в багряницу
Светло облечена.

От счастья мои щеки
Пылают горячо,
И вдруг удар жестокий
Я получил в плечо.

И голос грубый, строгий
Над ухом прогремел:
«Мальчишка босоногий!
Толкаться как ты смел!»

Как из лазури ясной
Я на землю упал,
И франт, от злости красный,
Мне уши натрепал.

С поникшей головою
Плетуся я вперед,
Мальчишки надо мною
Смеются из ворот.

30 мая 1879

Гайдамаки

По лугам зеленым
В гору от реки
На конях поспешно
Едут казаки.

К дому подъезжают
И в окно стучат,
Отворить скорее
И впустить велят.

Молодая панна
Вышла дверь открыть
И, коня узнавши,
Стала их корить:

«Воры вы! От пана
Отняли коня
И убили зверски
Мужа у меня».

«Нет, не воры, панна,
Здесь перед тобой, —
Идут гайдамаки
На великий бой.

Мы за хлопков ваших,
Наших братий, мстим,
Кровью польской Польшу
Всю мы обагрим.

Мы коня купили,
Мужа твоего
Спать мы уложили
За коня его.

Не поет он песен,
Как когда-то пел,
Да и панне долго
Петь он не велел».

И к осине в поле
Панну повели,
Привязали крепко,
Ствол же подожгли.

Мечется Анеля,
Плачет и кричит,
Тлеет ее платье,
Вспыхнуло – горит.

И горит Анеля,
И клубится смяд.
А казаки дальше
К западу спешат.

15 февраля 1880

Рифма

Сладкозвучная богиня,
Рифма золотая,
Слух чарует, стих созвучьем
Звонким замыкая.
И капризна, и лукава,
Вечно убегает.
Гений сам порой не сразу
Резвую поймает.

Чтоб всегда иметь шалунью
Рифму под рукою,
Изучай прилежно слово
Трезвой головою.
Сам трудись ты, но на рифму
Не надень оковы:
Муза любит стих свободный,
И живой, и новый.

29 июня 1880

«Спишь ты, матушка, в могиле...»

Спишь ты, матушка, в могиле,
Из нее не встанешь
И на дочь твою любовно
Никогда не взглянешь.

Без привета жить на свете
Тяжело, моя родная,
Тяжко мыкать злую долю,
Отдыха не зная.

Нет тебя, и друга нету.
Стал мне свет тюрьмою.
Сердце бьется, словно птичка,
Нет ему покою.

У чужих людей батрачку
Кто приветит, приголубит,
И какой же парень добрый
Сироту полюбит?

Научи ж, моя родная,
Дочку-сиротину,
Как избыть мне горе злое,
Лютую кручину.

Иль уж мне с ней до могилы,
До могилы не расстаться,
И с приветливою долей
Никогда не знаться?

27 июня 1881

Ариадна

Где ты, моя Ариадна?
Где твой волшебный клубок?
Я в Лабиринте блуждаю,
Я без тебя изнемог.

Светоч мой гаснет, слабея,
Полон тревоги стою,
И призываю на помощь
Мудрость и силу твою.

Много дорог здесь, но света
Нет и не видно пути.
Страшно и трудно в пустыне
Мраку навстречу идти.

Жертв преждевременных тени
Передо мною стоят.
Страшно зияют их раны,
Мрачно их очи горят.

Голос чудовища слышен
И заглушает их стон.
Мрака, безумного мрака
Требует радостно он.

Где ж ты, моя Ариадна?
Где путеводная нить?
Только она мне поможет
Дверь Лабиринта открыть.

7 ноября 1883

Проселок

Вьется предо мною
Узенький проселок.
Я бреду с клюкою,
Тяжек путь и долог.

Весь в пыли дорожной,
Я бреду сторонкой,
Слушая тревожно
Колокольчик звонкий.

Не глушимый далью,
Гул его несется,
Жгучею печалью
В сердце отдается.

Воздух полон гула,
И дрожит дорога, —
Ах, хоть бы уснула
Ты, моя тревога!

9 декабря 1883

«Пошел мне год уже двадцать второй...»

Пошел мне год уже двадцать второй,
И в Крестцах я учителем год третий,
А на уроках я еще босой
Сажу в училище, одет как дети.

Просила мать, директор разрешил,
И каждый год вновь пишет разрешение,
По бедности, и чтобы я служил
Примером скромности и береженья.

Простым я подпоясан ремешком,
В рубашке ситцевой, зимой суконной.
По улицам я в школу босиком
Хожу, храня порядок заведенный.

18 сентября 1884

«Я из училища пришел...»

Я из училища пришел,
И всю домашнюю работу
Я сделал: сам я вымыл пол,
Как делаю всегда в субботу.

Я мыл, раздевшись догола,
А мать внимательно следила,
Чтоб пол был вымыт добела.
Порой ворчала и бранила.

В одной рубашке стол наш я
Накрыл. «Живей! Не будь же копой!
Ну, а салфетка где твоя?
Да ты ногами-то не шлепай!

Варила я, а ты носи!
Неси-ка щи, да осторожно, —
А то ведь, боже упаси!
И обвариться щами можно».

Сходил ко всенощной; потом
Возился в кухне с самоваром.
Весь покрасневшись, босиком,
Я внес его, кипящий паром.

Чай выпит. «Ну, пора и спать».
И все благополучно было:
Сегодня не сердилась мать
И ласково благословила.

Сказала: «Раньше поднимись
Тетradки править пред обедней,
Теперь же поскорей ложись,
И не читай ты светских бредней».

Между 1882 и 1885

«Пятью восемь сорок...»

Пятью восемь сорок!
Лес пиши чрез ять!
Филин ночью зорек!
Припятъ, не Припятъ!

Повторяю это
Вот уж третий год.
Вот уж третье лето
Скоро подойдет.

Хоть и надоело,
Да не спросят нас.
Уж такое дело, —
Живо шлепай в класс!

13 марта 1885

«Что моя судьбина...»

Что моя судьбина,
Счастье иль беда?
Двигается машина
Общего труда.

Винтик очень малый —
Я в машине той.
К вечеру усталый,
Я сижу босой.

Скучные тетрадки
Надо поправлять,
На судьбу оглядки
Надо забывать.

15 октября 1885

«Настала светлая минута...»

Настала светлая минута, —
Совсем не император я.
Вообразил я почему-то,
Что вся Америка — моя.

Я был встревожен и взволнован,
Я Новый Свет завоевал
И, дивной силой очарован,
Мою столицу основал.

Передо мной лежала карта,
Я из Аляски шел в Чили.
Воскреснул гений Бонапарта
В походах средь иной земли.

А если б я открыл для света
Мои надменные мечты,
То мне б ответили на это:
Вот дурень! Сумасшедший ты!

Но это поприще поэта.
Не так ли поступал Шекспир,
Когда, сознав в себе Гамлета,
Его пустил в широкий мир?

Он был Ромео и Отелло,
И Лир он был, и был Шейлок.
Все это — творческое дело,
А не в безумие прыжок.

Того безумцем не зовите,
Кто в мир мечтательный влеком,
Его веревкой не вяжите,
Не прячьте в сумасшедший дом.

Но знаю, люди не поверят
В красу мечтательных долин,
И все мечтания измерят
Они на малый свой аршин.

Молчу... Очнулся от мечтаний.
Я за столом сажу босой.
И груз безграмотных писаний
Лежит в тетрадках предо мной.

Уж поздно. Лампа начинает
Коптить. «Ну, прозевал опять, —
Мне мама говорит. — Мечтает.
Уж лучше бы ложился спать».

И высмеян опять мечтатель,
И затаилась мечта,
Но в ней я все ж завоеватель,
Хоть жизнь моя совсем не та.

3 декабря 1885

«Трепещет робкая осина...»

Трепещет робкая осина,
Хотя и легок ветерок.
Какая страшная причина
Тревожит каждый здесь листок?

Предание простого люда
Так объясняет страх ветвей:
На ней повесился Иуда,
Хриstopродавец и злодей.

А вот служители науки
Иной подносят нам урок:
Здесь ни при чем Христовы муки,
А просто длинный черешок.

Ученые, конечно, правы,
Я верю умным их словам,
Но и преданья не лукавы,
Напоминая нужны нам.

15 августа 1886

«Различными стремленьями...»

Различными стремленьями
Растерзана душа,
И жизнь с ее томленьями
Темна и хороша.

Измученный порывами,
Я словно вижу сон,
Надеждами пугливыми
Взволнован и смущен.

Отравленный тревогою,
Я все кого-то жду.
Какою же дорогою,
Куда же я пойду?

19 сентября 1886

«Где ты делась, несказанная...»

Где ты делась, несказанная
Тайна жизни, красота?
Где твоя благоуханная,
Чистым светом осиянная,
Радость взоров, нагота?

Хоть бы в дымке сновидения
Ты порой явилась мне,
Хоть бы поступью видения
В краткий час уединения
Проскользнула в тишине!

5 января 1887

«Больные дни мои унылы...»

Больные дни мои унылы.
Меня смущает вещий сон,
А звуки внешние постылы,
Как чей-то неумолчный стон.

Бегу от тяжких впечатлений,
От неотвязного труда,
Ищу порочных наслаждений,
И упоения стыда,

И низшей степени паденья...
Уже богиня прежних дум
Не пробуждает зовом мщенья
Мой тяжко угнетенный ум.

Простите ж, светлые надежды!
Сомкнитесь, плачущие вежды!
И, смертью страсти заглуша,
Усни, усталая душа!

24 февраля 1887

«Приникни, пыль дорожная...»

Приникни, пыль дорожная,
К моим босым ногам.
Душа моя тревожная,
Послушай птичий гам.

Под лепеты струящейся
В лесном ручье воды
Забудь роптанья злящейся
Томительной Нужды.

Замыканный тетрадками
И тупостью детей
И глупыми загадками
Неумолимых дней,

Хоть на минуты малые
Пойми, что есть цветы,
Просторы, зори алые
И радость красоты.

2 июня 1887

«В весенний день мальчишка злой...»

В весенний день мальчишка злой
Пронзил ножом кору березы, —
И капли сока, точно слезы,
Текли прозрачною струей.

Но созидаящая сила
Еще изникнуть не спешила
Из зеленеющих ветвей, —
Они, как прежде, колыхались
И так же нежно улыбались
Привету солнечных лучей.

21 июня 1887

«Верь, – упадет кроважидный кумир...»

Верь, – упадет кроважидный кумир,
Станет свободен и счастлив наш мир.
Крепкие тюрьмы рассыплотся в прах,
Скроется в них притаившийся страх,
Кончится долгий и дикий позор,
И племена прекратят свой раздор.
Мы уже будем в могиле давно,
Но не тужи, милый друг, – все равно,
Чем разъедающий стыд нам терпеть,
Лучше за нашу мечту умереть!

25 июля 1887

«Я люблю весной фиалки...»

Я люблю весной фиалки
Под смеющейся росой,
В глубине зеленой балки
Я люблю идти босой,

Забывая пыль дороги
И лукавые слова,
Высоко открывши ноги,
Чтоб ласкала их трава.

Опустившись по ложбинкам,
Через речку вброд брести,
Выбираться по тропинкам
На далекие пути,

Где негданны и новы,
Как заветная земля,
И безмолвные дубровы
И дремотные поля.

26 мая 1888

«Каждый день люблю подняться...»

Каждый день люблю подняться
Я на вал и, стоя там,
Городским подивоваться
Улицам, церквам, садам.
Как за белою вуалью,
Очертанья смягчены,
И закутанные далью
Шум и крики не слышны.
Вольный ветер веет, реет,
Как внизу не веет он,
И, кусты качая, деет
Легкий хрупкий перезвон.

15 июля 1888

«Что напишу? Что изреку...»

Что напишу? Что изреку
Стихом растрепанным и вялым?
Какую правду облеку
Его звенящим покрывалом?

Писать о том, как серый день
Томительно и скучно длился,
Как наконец в ночную тень
Он незаметно провалился?

Писать о том, что у меня
В душе нет прежнего огня,
А преждевременная вялость
И равнодушная усталость?

О том, что свой мундирный фрак
Я наконец возненавидел
Или о том, что злой дурак
Меня сегодня вновь обидел?

– Но нет, мой друг, не городи
О пустяках таких ни строчки:
Ведь это только все цветочки,
Дождешься ягод впереди.

Так говорит мне знание света.
Увы! его я приобрел
Еще в молодые очень лета,
Вот оттого-то я и зол.

8 ноября 1888

«Тогда насмешливый мой гений...»

Тогда насмешливый мой гений
Подсказывал немало мне
Непоэтических сравнений.
Я в поле вышел при луне, —

На мякоть зрелого арбуза
Похожа красная луна,
А иногда и жабы пузо
Напоминала мне она.

26 марта 1889

«Под черемухой цветущей...»

Под черемухой цветущей
Я лежал в июньский зной
И вероники ползущей
Цвет увидел голубой.

Стало весело. На небе ль,
На земле ли я, не знал.
Я сорвал ползучий стебель
И листки поцеловал,

И, покрыты волосками,
Были нежны те листки,
Словно я прильнул губами
К локтю девичьей руки.

6 апреля 1889

«Я рано вышел на дорогу...»

Я рано вышел на дорогу,
И уж к полудню утомлен,
Разочарован понемногу
И чадом жизни опьянен.

В душе мечта – свернуть с дороги,
Где камни острые лежат,
Так утомившие мне ноги, —
Но я и отдыху не рад.

Короткий отдых к лени манит
И утомленный ум туманит,
А неотвязная нужда
Идет со мной везде, всегда.

Нужда – наставник слишком строгий,
И страшен взор ее, как плеть,
И я тащусь своей дорогой,
Чтобы на камнях умереть.

Когда богач самолюбивый
Промчится на коне верхом,
Я молча, в зависти стыдливой
Посторонюсь перед конем.

И сзади в рубище смиренном
Тащусь я, бледный и босой,
И на лице его надменном
Насмешку вижу над собой.

12 мая 1889

«Порос травой мой узкий двор...»

Порос травой мой узкий двор.
В траве лежат каменья, бревна.
Зияет щелями забор,
Из досок слаженный неровно.
Из растворенного окна,
Когда сижу один, лениво,
Под тем забором мне видна
Полынь да жгучая крапива.
И ветер набежав порой,
Крапиву треплет и качает,
Играет ею, вот как мной
Судьба капризная играет.
И я, как та крапива, жгусь,
Когда меня случайно тронут.
И я, как та крапива, гнусь,
Когда порывы ветра стонут.

9-13 мая 1889

«С врагом сойдясь для боя злого...»

С врагом сойдясь для боя злого,
Свой меч я тяжко опустил.
Казалось мне, врага ночного
Я пополам перерубил.

Но вдоль согнувшегося тела
Безвредно сталь моя прошла
И, раздробившись, зазвенела,
Как отлитая из стекла.

Тогда последнего удара
Я равнодушно ожидал,
Но мой противник, злая мара,
Вдруг побледнел и задрожал.

Холодным тягостным туманом
Обоих нас он окружил,
И, трепеща скользящим станом,
Он, как змея, меня обвил.

Глаза туманит, грудь мне давит,
По капле кровь мою сосет.
Мне душно! Кто меня избавит?
Кто этот призрак рассечет?

10 июня 1889

«Словно лепится сурепица...»

Словно лепится сурепица
На обрушенный забор, —
Жизни сонная безлепица
Отуманила мой взор.

Словно мальчик, быстро пчелами
Весь облепленный, кричит, —
Стонет сердце под уколами
Злых и мелочных обид.

8-9 августа 1889

«Что в жизни мне всего милей...»

Что в жизни мне всего милей?
Не это ль светлое мечтанье
Под тихозвучное журчанье
Твое, пленительный ручей?

И как мне радостны пески,
Кусты, и мирная равнина,
И нежная от влаги глина,
И разноцветные жучки.

18 августа 1869

«Влачу бесцветное житье...»

Влачу бесцветное житье
Так равнодушно, так лениво.
Мировоззрение мое
Зато упростилось на диво:
Пока живется, надо жить,
Как надо спать, доколе спится,
А надоест тоску сносить —
Так можно удавиться.

7 сентября 1889

«Ты слышишь гром? Склонись, не смейся...»

Ты слышишь гром? Склонись, не смейся
Над неожиданной грозой,
И легковерно не надейся,
Что буря мчится стороной.

Уж демон вихрей реет грозно,
Свинцовой тучей облачен,
И облака, что плыли розно,
К себе зовет зарницей он.

Он налетит, гремя громами,
Он башни гордые снесет,
Молниеносными очами
Твою лачугу он сожжет.

28 июня 1885, 25 сентября 1889

«После жизни недужной и тщетной...»

После жизни недужной и тщетной,
После странных и лживых томлений,
Мы забудемся сном без видений,
Мы потонем во тьме безответной.

И пускай на земле, на печальном просторе
Льются слезы людские, бушует ненастье:
Не найдет нас ни бледное, цепкое горе,
Ни шумливо-несносное счастье.

9 декабря 1889

«Что жалеть о разбитом бокале...»

Что жалеть о разбитом бокале!
Пролитое вино пожалей.
Не об юности пылкой твоей,
О забытом тоскуй идеале.

Пусть трудами измучена грудь
И неправдами сердце разбито, —
Лишь была бы любовь не забыта,
В дикой мгле указавшая путь.

Та любовь, что предстала так рано
Пред тобой, оробелым от зла,
И завесу немого тумана
Над твоею душой подняла,

И, как солнечный луч, озарила
Бездну зла и неправды людской,
И не раз на решительный бой
За собою тебя выводила.

Но любовь позабыта; разлит
Драгоценный нектар идеала;
Если сердце порой и горит,
Так душа отзываться устала.

18 декабря 1889

«Родился сын у бедняка...»

Родился сын у бедняка.
В избу вошла старуха злая.
Тряслась костлявая рука,
Седые космы разбирая.

За повитухиной спиной
Старуха к мальчику тянулась
И вдруг уродливой рукой
Слегка щеки его коснулась.

Шепча невнятные слова,
Она ушла, стуча клюкою.
Никто не понял колдовства.
Прошли года своей чредою, —

Сбылось веленье тайных слов:
На свете встретил он печали,
А счастье, радость и любовь
От знака темного бежали.

15 декабря 1889

Счастье

Счастье, словно тучка в небе голубом.
Пролилась на землю радостным дождем
Над страной далекой, пышной и красивой,
Не над нашей бедной, выжженной нивой.

Счастье, словно зрелый, сочный виноград.
Вкус его приятен, сладок аромат.
Ягоды ногами дружно мы топтали,
Вин же ароматных мы и в рот не брали.

Счастье, словно поле вешнею порой,
С пестрыми цветами, с сочною травой,
Где смеются дети, где щебечут птицы...
Мы на них дивимся из окна темницы.

18 декабря 1889

«Как много снегу намело...»

Как много снегу намело!
Домов не видно за буграми.
Зато от снега здесь светло,
А осенью темно, как в яме.

Тоска и слякоть, хоть завить, —
Недаром Вытегрой зовется, —
Иль в карты дуться, водку пить,
Коль грош в кармане заведется.

На набережной от всего
Треской несвежей душно пахнет.
Весной и летом — ничего,
Хоть вся природа словно чахнет.

Но все ж земля, трава, река...
Я – питерец, люблю мой Север.
Дорога всякая легка,
Милы мне василек и клевер.

12 декабря 1889

«По жестоким путям бытия...»

По жестоким путям бытия
Я бреду, бесприютен и сир,
Но зато вся природа – моя,
Для меня наряжается мир.

Для меня в тайне вешних ночей,
Заливаясь, поют соловьи.
Как невольник, целует ручей
Запыленные ноги мои.

И светило надменное дня,
Золотые лучи до земли
Предо мною покорно склоня,
Рассыпает их в серой пыли.

17 мая !890

«Странный сон мне снился: я кремнистой кручей...»

Странный сон мне снился: я кремнистой кручей
Медленно влачился. Длился яркий зной.
Мне привет веселый тихий цвет пахучий
Кинул из пещеры темной и сырой.

И цветочный стебель начал колыхаться,
Тихо наливаться в жилки стала кровь, —
Из цветочной чаши стала подыматься
С грустными очами девушка – любовь.

На губах прекрасной стали ясны речи, —
Я слышал звуки, легкие, как сон,
Тихие, как шепот потаенной встречи,
Как далекой тройки серебристый звон.

«На плечах усталых вечное страданье, —
Говорила дева, – тяжело носить.
Зреет в темном сердце горькое желанье
Сбросить бремя жизни, душу погасить.

Страстною мечтою рвешься в жизнь иную,
Хочешь ты проникнуть в даль иных времен.
Я твои мечтанья сладко зачарую,
Ты уснешь, и долог будет чудный сон.

И, когда в народах правда воцарится
И с бессильным звоном рухнет злой кумир,
В этот миг прекрасный сон твой прекратится,
Ты увидишь ясный, обновленный мир».

Девушка замолкла, легкой тенью скрылась,
И внезапно тихо стало все вокруг.
Голова безвольно на землю склонилась,
И не мог я двинуть онемелых рук.

Омрачался ль дух мой сладостным забвеньем
И слетали грезы лишь по временам,
Неустанно ль сердце трепетным биеньем
Жизнь мою будило – я не знаю сам.

Бурно закипали прежние страданья,
Вновь меня томила жадная тоска.
Но, пока пылал я муками желанья,

Над землей промчались многие века.

«Донеси от жизни только звук случайный,
Ветер перелетный, гость везде родной!
Только раз весною, с радостью и тайной,
Донеси случайно запах луговой!»

Так молило сердце и в тревоге жадной
В грудь мою стучало, но холодных губ
Разомкнуть не мог я для мольбы отрадной
И лежал в пещере, как тяжелый труп.

Снилось мне: столетья мчатся над землею,
Правда все страдает, Зло еще царит,
Я один во мраке, мертвой тишиною
Скован, тишиною мертвою обвит.

28 мая-28 июня 1890

Утро

Мутное утро грозит мне в окно,
В сердце – тревога и лень.
Знаю, – мне грустно провести суждено
Этот неласковый день.

Знаю, – с груди захирелой моей
Коршун тоски не слетит.
Что ж от его беспощадных когтей
Сердце мое защитит?

Сердце, собери свои силы, борись!
Сердце мне шепчет в ответ:
«Силы на мелочь давно разошлись,
Сил во мне больше и нет!»

10 сентября 1890

«Навек налажен в рамках тесных...»

Навек налажен в рамках тесных
Строй жизни пасмурной, немой.
Недостижимей звезд небесных
Свободной жизни блеск и зной.

Одной мечтою в час досуга
Я обтекаю вольный свет,
Где мне ни подвига, ни друга,
Ни наслаждений бодрых нет.

Томясь в завистливой печали,
Слежу задумчиво тогда,
Как выплывают из-за дали
Деревни, степи, города,

Мелькают лица, платья веют,
Смеются дети, солнце жжет,
Шумят стада, поля пестреют,
Несутся кони, пыль встает...

Ручья лесного нежный ропот
Сменяет рынка смутный гул.
Признания стыдливый шепот
В базарных криках потонул,

25 сентября 1890

Негодование

Душою чистой и незлобной
Тебя Создатель наделил,
Душой, мерцанью звезд подобной
Иль дыму жертвенных кадил,

Хотя дыханьем чуждой злобы
Не раз мрачился твой удел, —
Нет человека, на кого бы
Ты темной злобою кипел,

Но каждый день огнем страданья
Тебя венчали ложь и зло, —
В твоей душе негодование,
Как семя в почве, проросло.

4 апреля 1891

«Тепло мне потому, что мой уютный дом...»

Тепло мне потому, что мой уютный дом
Устроил ты своим терпением и трудом.
Дрожа от стужи, вез ты мне из леса хворост,
Ты зерна для меня бросал вдоль тощих борозд,
А сам ты бедствовал, покорствуя судьбе.
Тепло мне потому, что холодно тебе.

25 мая 1891

«Безочарованность и скуку...»

Безочарованность и скуку
Давно взрастив в моей душе,
Мне жизнь приносит злую муку
В своем заржавленном ковше.

7 июня 1891

«Уйдешь порой из солнечной истомы...»

Уйдешь порой из солнечной истомы
В лесной приют,
Но налетают жалящие гномы
И крови ждут.

Лесной тиран, несносная докука,
Комар-палач!
Твой тонкий писк томителен, как скука,
Как детский плач.

3 июля 1891

«Стоит пора голодная...»

Стоит пора голодная,
Край в лапах нищеты.
Отчизна несвободная,
Бездомная, безродная,
Когда ж проснешься ты?

Когда своих мучителей
Ты далеко сметишь,
И с ними злых учителей,
Тебе твердящих ложь?

18 ноября 1891

«Небо желто-красное зимнего заката...»

Небо желто-красное зимнего заката,
Колокола гулко-заунывный звон...
Мысли, проходящие смутно, без возврата,
Сердца наболевшего неумолчный стон...

Снегом занесенные улицы пустые,
Плачу колокольному внемлющая тишь...
Из окошка вижу я кудри дымовые,
Вереницы тесные деревянных крыш.

Воздух жгучим холодом чародейно скован.
Что-то есть зловещее в этой тишине.
Грустью ожидания разум очарован.
Образы минувшего снова снятся мне.

20 марта 1892

Восьмидесятники

Среди шатания в умах и общей смуты,
Чтобы внимание подростков поотвлечь
И наложить на пагубные мысли путы,
Понадобилась нам классическая речь.

Грамматики народов мертвых изучая,
Недаром тратили вечерние часы
И детство резвое, и юность удалая
В прилежном изученьи стройной их красоты.

Хирели груди их, согнутые над книгой,
Слабели зоркие, пытливые глаза,
Слабели мускулы, как будто под веригой,
И гнулся хрупкий стан, как тонкая лоза.

И вышли скромные, смиренные людишки.
Конечно, уж они не будут бунтовать:
Им только бы читать печатные коврижки
Да вкусный пирожок казенный смаковать.

8 августа 1892

«Стоит он, жаждой истомленный...»

Стоит он, жаждой истомленный,
Изголодавшийся, больной,
Под виноградною лозой,
В ручей по пояс погруженный,
И простирает руки он
К созревшим гроздьям виноградным, —
Но богом мстящим, беспощадным
Навек начертан их закон:
Бегут они от рук Тантала,
И выпрямляется лоза,
И свет небес, как блеск металла,
Томит молящие глаза.

И вот Тантал нагнуться хочет
К холодной, радостной струе, —
Она поет, звенит, хохочет
В недостигаемом ручье.
И чем он ниже к ней нагнется,
Тем глубже падает она,
И пред устами остается
Песок обсохнувшего дна.

В песок сыпучий и хрустящий
Лицом горячим он поник,
И, безответный и хрипящий,
Потряс пустыню дикий крик.

12 августа 1892

«Вот у витрины показной...»

Вот у витрины показной
Стоит, любясь, мальчик бедный.
Какой он худенький и бледный,
И некрасивый, и больной!

Блестят завистливо и жадно
Его широкие глаза.
Порой сверкнет на них слеза,
И он вздыхает безотрадно.

Вот нагляделся он, идет.
Вокруг него шумит столица.
Мечтаний странных вереница
В душе встревоженной растет,

2 октября 1892

«Я также сын больного века...»

Я также сын больного века,
Душою слаб и телом хил,
Но странно – веру в человека
Я простодушно сохранил.

В борьбе упорно-беспощадной
Сгорели юные мечты,
Потоптаны толпой злорадной
Надежд весенние цветы,

И длится ночь, черна, как прежде,
Всю землю мглою полоня, —
А все же радостной надежде
Есть место в сердце у меня!

6 октября 1692

«Я ждал, что вспыхнет впереди...»

Я ждал, что вспыхнет впереди
Заря и жизнь свой лик покажет
И нежно скажет:
«Иди!»

Без жизни отжил я, и жду,
Что смерть свой бледный лик покажет
И грозно скажет:
«Иду!»

12 октября 1892

Ирина

Помнишь ты, Ирина, осень
В дальнем, бедном городке?
Было пасмурно, как будто
Небо хмурилось в тоске.

Дождик мелкий и упорный
Словно сетью заволок
Весь в грязи, в глубоких лужах
Потонувший городок,

И тяжелым коромыслом
Надавив себе плечо,
Ты с реки тащила воду,
Щеки рдели горячо...

Был наш дом угрюм и тесен,
Крыша старая текла,
Пол качался под ногами,
Из разбитого стекла

Веял холод; гнулось набок
Полусгнившее крыльцо...
Хоть бы раз слова упрека
Ты мне бросила в лицо!

Хоть бы раз в слезах обильных
Излила невольно ты
Накопившуюся горечь
Беспощадной нищеты!

Я бы вытерпел упреки
И смолчал бы пред тобой,
Я, безумец горделивый,
Не поладивший с судьбой,

Так настойчиво хранивший
Обманувшие мечты
И тебя с собой увлекший
Для страданий нищеты.

Опускался вечер темный
Нас измучившего дня, —
Ты мне кротко улыбалась,
Утешала ты меня.

Говорила ты: «Что бедность!
Лишь была б душа сильна,
Лишь была бы жаждой счастья
Воля жить сохранена».

И опять, силен тобою,
Смело я глядел вперед,
В тьму зловещих испытаний,
Угрожающих невзгод.

И теперь над нами ясно
Вечереют небеса.
Это ты, моя Ирина,
Сотворила чудеса.

1 – 22 октября 1892

«Ах, раздвиньтесь, стены душные...»

Ах, раздвиньтесь, стены душные.
Степь нарядная, прихлынь
И мечты свои воздушные
На меня, как рати, двинь.

22 октября 1892

«Туман не редет...»

Туман не редет,
Молочною мглою закутана даль,
И на сердце веет
Печаль.

С заботой обычной,
Суровой нуждою влекомый к труду,
Дорогой привычной
Иду.

Бледна и сурова,
Столица гудит под туманною мглой,
Как моря седого
Прибой.

Из тьмы вырастая,
Мелькает и вновь уничтожиться в ней
Торопится стая
Теней.

6 ноября 1892

«Какая тишина! Какою ленью дышит...»

Какая тишина! Какою ленью дышит
Дремотный сад!
Какою радостью беспечной пышет
Его закат!

Мой старый клен, ты прожил много,
Но что ты рассказать бы мог?
Спокойна и убога,
Перед тобою сеть дорог.

Поник ты старыми ветвями
Над одинокою скамьей.
Весенними ночами
Ты слушал речи страсти молодой?

Видал ты здесь потайные свиданья?
Хранил ты на коре своей
Следы ножа – немые начертанья,
Понятные лишь ей?

Скучающий старик, едва ли
В твоей тени
Слова любви звучали,
Едва ли пролетали
Ликующие дни.

Вот сыплет ночь движением нескорым
Рой звезд на небе бледно-голубом,
И бледная луна над косогором
Взошла серпом.

Заснувшая беззвучно деревушка
Так ярко вся луной озарена,
Что каждая лачужка,
Как на столе красивая игрушка,
Мне в ней отчетливо видна.

Загадочные силы!
Когда взойдет над ними день?
Темнее сумрака могилы
Их обнимающая тень.

20 октября – 24 декабря 1892

Творчество

Темницы жизни покидая,
Душа возносится твоя
К дверям мечтательного рая,
В недостижимые края.
Встречают вечные виденья
Ее стремительный полет,
И ясный холод вдохновенья
Из грез кристаллы создает.

Когда ж, на землю возвращаясь,
Непостижимое тая,
Она проснется, погружаясь
В туманный воздух бытия, —
Небесный луч воспоминаний
Внезапно вспыхивает в ней
И злобный мрак людских страданий
Прорежет молнией своей.

3 февраля 1893

«Сердцем овладевая злоба застарелая...»

Сердцем овладевая злоба застарелая
Шепчет речи знойные, горько-справедливые,
И скликает в бешенстве воля моя смелая
Замыслы безумные, грезы горделивые.

А над вьюгой замыслов, над огнем восстания
Реет тень зловещая, облачко летучее.
Что-то непонятное за дверьми сознания
Чутко притаилось – лихо неминуемое.

Знаю: гость непрошенный с холодом презрения
Глянет неожиданно в душу многодумную,
И погасит хохотом веру неразумную,
И погубит замыслы сладостного мщенья.

30 января – 21 февраля 1893

«Холодный ветерок осеннего рассвета...»

Холодный ветерок осеннего рассвета
Повеял на меня щемящею тоской.
Я в ранний час один на улице пустой.
В уме смятение, вопросы без ответа.

О, если бы душа была во мне согрета
Надеждой на ответ, могучей жаждой света!
Нет и желанья знать загадки роковой
Угрюмый смысл, почти разгаданный судьбой.

Текут события без цели и без смысла, —
Давно я так решил в озлобленном уме, —
Разъединенья ночь над всеми повисла,

Бредем неведь куда, в немой и злобной тьме,
И тьмы не озарят науки строгой числа,
Ни звучные хвалы в торжественном псалме.

21 февраля 1893

«Устав брести житейскою пустыней...»

Устав брести житейскою пустыней,
Но жизнь любя,
Смотри на мир, как на непрочный иней,
Не верь в себя.

Разлей отраву дерзких отрицаний
На ткань души,
И чувство тождества своих сознаний
Разбить спеши.

Не верь, что тот же самый был ты прежде,
Что и теперь,
Не доверяйся радостной надежде,
Не верь, не верь.

Живи и знай, что ты живешь мгновеньем,
Всегда иной,
Грядущим тайнам, прежним откровеньям
Равно чужой.

И думы знойные о тайной цели
Всебытия
Умрут, как звон расколотой свирели
На дне ручья.

28 марта 1898

Лихо

Кто это возле меня засмеялся так тихо?
Лихо мое, одноглазое, дикое Лихо!
Лихо ко мне привязалось давно, с колыбели,
Лихо стояло и возле крестильной купели,
Лихо за мною идет неотступною тенью,
Лихо уложит меня и в могилу.
Лихо ужасное, враг и любви и забвенью,
Кто тебе дал эту силу?

Лихо ко мне прижимается, шепчет мне тихо:
«Я – бесталанное, всеми гонимое Лихо!
В чьем бы дому для себя уголок ни нашло я,
Всяк меня гонит, не зная минуты покоя.
Только тебе побороться со мной недосужно, —
Странно мечтая, стремишься ты к мукам.
Вот почему я с твоею душою так дружно,
Как отголосок со звуком».

30 декабря 1891, 26 января 1892, 2 апреля 1898

В мае

Майские песни!
Нежные звуки!
Страсть их слагала, поет их весна.
Радость, воскресни!
Злоба и муки —
Призраки страшные зимнего сна.

Злые виденья
Раненой жизни,
Спите до срока в мятежной груди!
Ключ вдохновенья,
На душу брызни,
Чувства заснувшие вновь разбуди!

13 апреля 1893

«Я слагал эти мерные звуки...»

Я слагал эти мерные звуки,
Чтобы голод души заглушить,
Чтоб сердечные вечные муки
В серебристых струях утопить,

Чтоб звучал, как напев соловьиный,
Твой чарующий голос, мечта,
Чтоб, спаленные долгой кручиной,
Улыбнулись хоть песней уста.

2 июля 1893

«Как высокая тонкая арка...»

Как высокая тонкая арка,
Семицветная радуга ярко
Над омытой землею висит.
Многодумное сердце трепещет,
И тревожными песнями плещет,
И неведомой грустью горит.

Обещанье старинное снова
С умилением встретить готова
Изнуренная жизнью душа.
Побледнеют небесные краски,
И она обманувшие сказки
Позабудет, к печали спеша.

Растворяется радуга, – снова
Бесконечная даль голубого,
Бесконечной тоски пустота.
Снова злобою сердце трепещет,
Снова темными песнями плещет,
Снова ужасом жизнь повита.

19 июля 1893

«Тень решетки прочной...»

Тень решетки прочной
Резким переплетом
На моем полу.
Свет луны полночной
Беспокойным летом
Падает во мглу.

Тучки серебристой
Вижу я движенья,
Вижу грусть луны.
Резок холод мглистый.
Страшно заточенье.
Неподвижны сны.

В голове склоненной
Созданы мечтою
Вольные пути,
Труд освобожденный,
Жизнь не за стеною...
Как же мне уйти?

Долетают звуки,
Льется воздух влажный,
Мысли, как и там, —
Я тюремной муки
Плач и вопль протяжный
Ветру передам.

22 июля 1893

«Прильнул он к решетке железной...»

Прильнул он к решетке железной
Лицом исхудалым и злым.
Блистающей, грозною бездной
Раскинулось небо над ним.
Струилась сырость ночная,
О берег плескалась река.
Решетку тоскливо сжимая,
Горела, дрожала рука.

Рвануться вперед – невозможно,
В темнице – и ужас, и мгла...
Мечта трепетала тревожно,
Но злобы зажечь не могла.

26 июля 1898

«Наш кот сегодня видел...»

Наш кот сегодня видел
Ужасно скверный сон,
И с болью головною
Проснулся рано он.

Ему сегодня снился
Амбар такой большой, —
Там прежде были мыши,
Но он стоял пустой.

Голодные крестьяне
Муки не привезли,
И мыши с голодухи
Куда-то все ушли, —

И нет коту поживы.
Какой противный сон!
Расстроил чрезвычайно
Кота сегодня он.

7 сентября 1893

«Люди такие презренные...»

Люди такие презренные,
Дело такое ничтожное,
Мысли – всегда переменные,
Счастье – всегда невозможное...
Сердце тревожное
Робко болит, —
Чуждое, ложное
В жизни томит.

18 сентября 1893

«Вновь неудачи...»

Вновь неудачи,
Снова ошибки.
Жить ли иначе,
Ждать ли улыбки
Нравной кручины,
Стоя на месте?
Злые картины,
Злобные вести, —
Трудны дороги,
Ветер навстречу.
Голые ль ноги
Я изувечу,
Или приникну
К злему кумиру,
К лжи по привычку,
Буду льстить миру
Песней наемной,
Песней лукавой?
Нет, хоть и темный,
Путь мой – будь правым.

1 декабря 1898

«Мне была понятна жизнь природы дивной...»

Мне была понятна жизнь природы дивной
В дни моей весны.
Охраняла вера, рдел восторг наивный,
Ясны были сны,

И в сияньи веры был чудес чудесней
Блеск живого дня.
Мне певала мама и будила песней
Сонного меня:

«Если мы не встанем, так заря не вспыхнет,
Солнце не взойдет,
Петушок крикливый загрустит, затихнет,
Сивка не заржет,

Птичка не проснется, не прольются песни,
Дней убавит лень.
Встань же, позови же: «Солнышко, воскресни!
Подари нам день!»

Так мне пела мама и будила песней
Сонного меня, —
И в сияньи веры был чудес чудесней
Блеск живого дня!

Верил я, что жизни не напрасна сила
У меня в груди.
Что-то дорогое, светлое сулила
Жизнь мне впереди.

Так была понятна жизнь природы дивной
В дни моей весны!
О, святая вера! о, восторг наивный!
О, былые сны!

5 декабря 1893

«В пути безрадостном, среди немой пустыни...»

В пути безрадостном, среди немой пустыни
Предстала предо мной
Мечта порочная, принявши вид богини
Прекрасной и нагой.

Рукою нежной разливала
Из тонкого фиала
Куренья дымные она,
И серебристо обвивала
Ее туманная волна.

И где она ногою голой
Касалась сухой земли,
Там грешные цветы толпой веселой
Бесстыдные, пахучие цвели.

И предо мной склонившись, как рабыня,
Она меня к греху таинственно звала, —
И скучной стала мне житейская пустыня,
И жажда дел великих умерла.

5 декабря 1893

«Нет, не любовь меня влекла...»

Нет, не любовь меня влекла,
Не жажда подвига томила, —
Мне запрещенный рай сулила
Царица радостного зла.

Окружена зловещей дымкой
Порочных снов и злых страстей,
Она сошла к душе моей
Ожесточенной нелюдимкой.

И научила презирать
Людские скучные забавы,
И чары тайные вкушать,
Благоуханные отравы.

Восторгов тщетных, грез ночных
Струи кипучие так сладки, —
Но в сердце копятся от них
Противно-горькие осадки.

22 декабря 1898

«Грустная светит луна...»

Грустная светит луна,
Плещется тихо волна,
И над рекою туман.
Тяжко задумался лес.
Хочется сердцу чудес,
Грезится милый обман.

Чутко иду над рекой, —
Шатки мостки подо мной,
Вижу я мелкое дно,
Тень утонула в реке,
Город за мной вдалеке,
Возле — молчанье одно.

23 декабря 1898

«Иду я влажным лугом...»

Иду я влажным лугом,
Томят меня печали.
Широким полукругом
Развернутые дали,

Безмолвие ночное
С пленительными снами
И небо голубое
С зелеными краями, —

Во всем покой и нега,
Лишь на сердце тревога.
Далеко до ночлега.
Жестокая дорога!

27 января 1894

«Что вчера пробежало во мне...»

Что вчера пробежало во мне,
Что вчера называл я собою,
Вот оно в голубой вышине
Забелелось тучкой сквозною.

Тот порыв, что призывной тоской
В этом сердце вчера отзывался,
Это он перед близкой грозой
Над шумящею нивой промчался.

Та мечта, что в безрадостной мгле
Даровала вчера мне забвенье,
На иной и далекой земле
Снова ищет себе воплощенья.

24 апреля 1894

«О смерть! я твой. Повсюду вижу...»

О смерть! я твой. Повсюду вижу
Одну тебя, – и ненавижу
Очарования земли.
Людские чужды мне восторги,
Сраженья, праздники и торги,
Весь этот шум в земной пыли.

Твоей сестры несправедливой,
Ничтожной жизни, робкой, лживой,
Отринул я издавна власть.
Не мне, обвеянному тайной
Твоей красы необычайной,
Не мне к ногам ее упасть.

Не мне идти на пир блестящий,
Огнем надменным тяготящий
Мои дремотные глаза,
Когда на них уже упала,
Прозрачней чистого кристалла,
Твоя холодная слеза.

12 июня 1894

«Истомный зной, но мне отрадна...»

Истомный зной, но мне отрадна
Лесная глушь и тишина.
Дыханье хвой впиваю жадно,
Как ток багряного вина.

Лесная тишь поет со мною
И краски жизни огневой
Смягчает лиловатой тьмою,
Как тучею перед грозой.

Но не люблю я возвращенья
В простор полей и в гомон сел,
Где волны тщетного волненья
Жизнь рассекает, тучный вол.

О, тишина, о, мир без звука!
Парю высоко над землей, —
А там, в полях, земная скука
Влачится хитрою змеей.

Зарница на небе проблещет,
Не расцветая пыльный путь,
Где травка хилая трепещет
И где в канавках дремлет жуть.

Хоть час еще идти тропами
Твоими, лес, где сладок вздох,
Где мягко гнется под ногами
Такой пахучий, нежный мох!

Никто не встретится, не спросит,
Куда иду, зачем босой,
И цвет мечты моей не скосит
Никто стремительной косой.

14 июня 1894

Костер

Забит костер в лесной поляне:
Трещат иссохшие сучки,
По ним в сереющем тумане
Перебегают огоньки.
Скользят, дрожат, траву лобзают,
В нее ползут и здесь, и там
И скоро пламя сообщают
Еще могучим деревьям...

И я, томясь в немой кручине,
Изнемогая в тишине,
В моей безвыходной пустыне
Горю на медленном огне.
О, если б яростным желаньям
Была действительность дана,
Каким бы тягостным страданьям
Земля была обречена!

8 июля 1894

Качели

В истоме тихого заката
Грустило жаркое светило.
Под кровлей ветхой гнулась хата
И тенью сад приосенила.
Березы в нем угомонились
И неподвижно пламенели.
То в тень, то в свет переносились
Со скрипом зыбкие качели.

Печали ветхой злою тенью
Моя душа полуодета,
И то стремится жадно к тлению,
То ищет радостей и света.
И покоряясь вдохновенно
Моей судьбы предначертаньям,
Переношусь попеременно
От безнадежности к желаньям.

9 июля 1894

«Терцинами писать как будто очень трудно...»

Терцинами писать как будто очень трудно?
Какие пустяки! Не думаю, что так, —
Мне кажется притом, что очень безрассудно

Такой размер избрать: звучит как лай собак
Его тягучий звон, и скучный, и неровный, —
А справиться-то с ним, конечно, может всяк, —

Тройных ли рифм не даст язык наш многословны
То ль дело ритмы те, к которым он привык,
Четырехстопный ямб, то строгий, то альковный, —

Как хочешь поверни, все стерпит наш язык.
А наш хорей, а те трехсложные размеры,
В которых так легко вложить и страстный крик,

И вопли горести, и строгий символ веры?
А стансы легкие, а музыка октав,
А белого стиха глубокие пещеры?

Сравненье смелое, а все-таки я прав:
Стих с рифмами звучит, блестит, благоухает
И пышной розою, и скромной влагой трав,

Но темен стих без рифм и скуку навевает.

10 июля 1894

«Блажен, кто пьет напиток трезвый...»

Блажен, кто пьет напиток трезвый,
Холодный дар спокойных рек,
Кто виноградной влагой резвой
Не веселил себя вовек.
Но кто узнал живую радость
Шипучих и колючих струй,
Того влечет к себе их сладость,
Их нежной пены поцелуй.

Блаженно всё, что в тьме природы,
Не зная жизни, мирно спит, —
Блаженны воздух, тучи, воды,
Блаженны мрамор и гранит.
Но где горят огни сознания,
Там злая жажда разлита,
Томят бескрылые желанья
И невозможная мечта.

13 июля 1894

«О, если б сил бездушных злоба...»

О, если б сил бездушных злоба
Смягчиться хоть на миг могла,
И ты, о мать, ко мне из гроба
Хотя б на миг один пришла!
Чтоб мог сказать тебе я слово,
Одно лишь слово, – в нем бы слил
Я всё, что сердце жжет сурово,
Всё, что таить нет больше сил,

Всё, чем я пред тобой виновен,
Чем я б тебя утешить мог, —
Нетороплив, немногословен,
Я б у твоих склонился ног.
Приди, – я в слово то волью
Мою тоску, мои страданья,
И стон горячий раскаянья,
И грусть всегдашнюю мою,

16 июля 1894

«Мечтатель, странный миру...»

Мечтатель, странный миру,
Всегда для всех чужой,
Царящему кумиру
Не служит он хвалой.

Кому-то дымный ладан
Он жжет, угрюм и строг,
Но миром не разгадан
Его суровый бог.

Он тайною завесил
Страстей своих игру, —
Порой у гроба весел
И мрачен на пиру.

Сиянье на вершине,
Садов цветущих ряд
В прославленной долине
Его не веселят.

Поляну он находит,
Лишенную красы,
И там в мечтах проводит
Безмолвные часы.

19 июля 1894

«Дождь неугомонный...»

Дождь неугомонный
Шумно в стекла бьет,
Точно враг бессонный,
Воя, слезы льет.

Ветер, как бродяга,
Стонет под окном,
И шуршит бумага
Под моим пером.

Как всегда случаен
Вот и этот день,
Кое-как промаен
И отброшен в тень.

Но не надо злости
Вкладывать в игру,
Как ложатся кости,
Так их и беру.

19 июля 1894

Звездная даль

Очи темные подъемлет
Дева к небу голубому
И, на звезды глядя, внемлет
Чутко голосу ночному.

Под мерцаньем звезд далеких,
Под блистающей их тайной
Вся равнина в снах глубоких
И в печали не случайной.

Тихо, робко над рекою
Поднимаются туманы
И ползучею толпою
Пробираются в поляны.

У опушки тени гуще,
Лес и влажный и дремотный.
Смотрит страх из темной кущи,
Нелюдимый, безотчетный.

К старику отцу подходит
Дева с грустною мечтою
И про небо речь заводит:
«Беспредельность предо мною.

Где-нибудь в раздольях света,
За безмерным отдаленьем,
Есть такая же планета,
И с таким же населеньем.

Есть там зори и зарницы,
Реки, горы и долины,
Счастье, чары, чаровницы,
Грозы, слезы и кручины.

Не оттуда ль в сердце плещет
Греза сладостным приветом?
Вот звезда над нами блещет
Переливным дивным светом:

Это – солнце, и с землею,
И на той земле мечтает
Кто-то близкий мне душою.
К нам он взоры подымает,

Нескончаемые дали
Мерит черными очами.
И томления печали
Отвешаются мечтами.

Он иную землю видит,
Где так ярко счастье блещет,
Где могучий не обидит,
Где бессильный не трепещет,

Где завистливой решеткой
Пир богатых не охвачен,
Где клеймом недоли кроткий
Навсегда не обозначен».

Скоро звезды гаснуть станут,
Расточатся чары ночи,
И с тоской пугливой глянут
Размечтавшиеся очи.

26 июня – 22 июля 1894

«Невольный труд...»

Невольный труд,
Зачем тобой я долго занят?
Мечты цветут, —
Но скоро сад их яркий вянет.

И прежде чем успел
Вдохнуть я теплое дыхание,
Их цвет багряный облетел
В печальной муке увяданья.

23 июля 1894

«Каждый день, в час урочный...»

Каждый день, в час урочный,
Я сюда прихожу,
Молчаливый и точный,
И угрюмо гляжу,
Не видны ли в потоке
Ненавистных теней
Эти бледные щеки,
Это пламя очей,
Эти губы сухие,
Эта строгость чела,
Где проносятся злые
Наваждения зла.
И сегодня я встретил
Ту, кого я так ждал,
Ту же гордость заметил,
Ту же томность узнал.
Но за нею стремиться
Я в толпе не посмел —
Мне скорей удалиться
Тайный голос велел.

31 июля 1894

Кремлев

Рассказ в стихах

1

Унылой бедности невольник терпеливый,
Сидел он у окна, склонясь в немой тоске.
Пред ним раскинулся пустынный и ленивый
Уездный городок. На дремлющей реке
Повисли с берега картиной прихотливой,
Вниз крышами, дома. Яснели вдалеке,
В просветы крыш седых, за крайней бедной хатой,
Зеленые поля и лес голубоватый.

2

Когда бы посмотрел он влево из окна,
Упал бы взор его на домик деревянный,
Где школа ютилась, Увы! теперь она
Всегда будила в нем порывы злости странной,
Хотя была ему по-прежнему нужна,
Как поприще его работы неустанной.
Короче говоря, учителем он был.
Сначала он любил свой труд, потом остыл.

3

Первоначальный пыл наивных увлечений,
Увяли юные горячие мечты —
Цветы в чужой земле тоскующих растений.
Увидел он себя в объятьях нищеты,
В цепях ненужных мук, печалей и лишений.
Без яркой грезы дни томительно-пусты.
Желаньем умереть он тайно зачарован,
Но цепью прочною к земле пока прикован —

4

Любовью... У него племянница жила,
Девушка в тех годах, когда давно другие
Нашли себе мужей. Что ж! Настенька мила,
Но не красавица, хоть волосы густые,
И глазки темные, как яркая смола,
И губы алые, как розы полевые,
Могли понравиться, – да главная вина,
Непоправимая, – совсем она бедна...

5

А он... В его груди тоска воспоминаний.
Один и на людях, он грустен, одинок.
Из детства в жизнь вошли невзгоды испытаний
И преждевременный, сжигающий порок.
Когда же с юностью зардел огонь желаний,
Ему не вспыхивал ответный огонек:
Застенчивый чудак несчастливо влюблялся —
Семейственный удел ему не доставался.

6

Бывало, влюбится, томится долго, ждет
От милой девушки ласкающего взгляда,
Но, полная своих мечтаний и забот,
Она с ним холодна, она ему не рада.
Набравшись храбрости, всю страсть он изольет
Пред нею наконец. Какая же награда?
Красавица бежит, словечка одного,
Ни даже да иль нет, не бросив для него.

7

Вновь за тетради он присаживался рьяно,
На школьные дела переносил он пыл,
Но здесь – увы! – еще одна для сердца рана —
Его служебный путь угрюм и труден был.
И горе и тоску топить на дне стакана
И пить угар хмельной он скоро полюбил,
И тратил дни свои в бессмысленном разврате,
В угарных кутежах, не плача об утрате.

8

И так бы Прожил он... Но, к счастью или нет,
Поток унылых дней, отравленных и смрадных,
Струею резвою внезапно был согрет..
Кремлев имел сестру. Подруга дней отрадных,
Когда и в бедности являлся милым свет,
Теперь она была рабою бед злорадных.
В далеком и чужом краю она жила
И с мужем-пьяницей терпела много зла.

9

Прибрал детей господь, – их мать жалеть не стал;
Что жить им в нищете! они счастливей «там».
Осталась только дочь, – не чахла, не хворала,
А трудно было жить. В работе мать, а «сам»
Что ни достанет, все пропьет. Не раз искала
Его в глухую ночь жена по кабакам.
Он часто бил жену. Порою доставалось
И бедной девочке, как мать ни заступалась.

10

В лачуге нищенской, в предместьи городском
Куда как тяжело суровою зимою!
Завоет вьюга вокруг – и зыблется весь дом,
И горница полна вся стужею сырою.
Вот летний вечерок, – Настасья босиком
Бежит, согнувшись, на речку за водою,
И глазки детские на дорогой наряд
Прохожих барышень завистливо глядят.

11

Так детство Настино печально проходило.
А в восемнадцать лет осталась вдруг она
Одна: перед отцом открылась могила,
За ним и мать ушла, как верная жена.
Взял Настеньку Кремлев. Она сперва грустила,
Была застенчива, пуглива и смирна.
С ресниц ее порой потоки слез катились, —
А щеки девичьи румянцем золотились.

12

Целило время скорбь, – и Настя обжилась,
Почуяла себя довольной и свободной,
Хозяйством дядиным прилежно занялась,
Не чувствуя тоски, ни зависти бесплодной,
И сытой бедности, конечно, не боясь.
Ей, выросшей в избе понурой и холодной,
Привыкшей голодать, и скромный дядин дом
Казался, может быть, чуть-чуть что не дворцом.

13

И вот они живут несходною четою,
Но одинаково наивные; с тех пор
Немало лет прошло докучной чередой,
И жизни будничной томительный узор
Ни разу не разбит ни счастьем, ни бедою,
Как будто бы судьба поставила забор,
Ревниво их от всех напастей охраняя,
Но вольные пути пред ними закрывал.

14

Как эту изгородь досадную сломать?
Как выйти на простор, исполненный движенья,
И воздухом живым стремительно дышать,
Дышать не так, как те ленивые растенья,
Которых злой удел – в ограде прозябать,
Где света нет и где не слышно птичья пеня?
Где прочный тот рычаг, то крепкое бревно,
Которым раздробить ограду суждено?

15

Он сам ли разгадал, узнал ли он из книжек,
Прочел ли он в ее застенчивых глазах,
Что взрослой девушке не медовых коврижек,
А жизни хочется, – но только смутный страх
В тоскующей душе неизгладимо выжиг
Сознание горькое, что в сереньких годах,
Которые чредой над ними пролетали,
Отрады не было, хоть не было печали.

16

И жизни не было: крикливою семьей
Являлись темные, ничтожные заботы,
Тревоги бедности и доли трудовой,
Приливы быстрые томительной работы
И сплетни зависти да пошлости пустой, —
То им, а то о них слагались анекдоты...
Не жизнь, а скучный бред, больной и дикий сон,
Где тени мрачные плывут со всех сторон.

17

Года бегут, бегут, – бледнеет Настя, вянет,
Как сломанный цветок полуденной порой, —
И скоро, думал он, так жить она устанет,
В душе почувствует прилив кручины злой,
Оглянется вокруг – и больше не обманет
Ее больная жизнь своею тишиной.
Постылым станет все, и будет ей в отраду
Срывать на ком-нибудь, тяжелую досаду.

18

И жалость в нем росла. Отсюда далека,
Казалось бы, любовь. Но мы народ особый,
И русская любовь, как наша степь, дика:
У нас любовь смешать нетрудно и со злобой.
Века минувшие, безумные века
Все чувства русского особенною пробой
Отметили... И вот заметил раз Кремлев,
Что грешная любовь вошла под мирный кров.

19

Томился долго он, смиренно отвергая
Безумную любовь. Но как ее разбить?
Улыбку ясную приветливого мая
От взора жаркого кто б мог загородить?
И каждый день словам возлюбленной внимая,
Как можно запретить душе ее любить?
Пожар любви растет, в огне сомненья топит
И волю робкую пугает и торопит.

20

Мечты горят, зовут. Бежать бы в чуждый край,
В далекий чуждый край, где их никто не знает,
Где будет им открыт незапрещенный рай,
Где ясная весна любовь их увенчает,
Где жизнь подарит им цветущий, долгий май...
Мечты кипят, а жизнь их злобно отвергает.
Какими жертвами любовь завоевать?
Как счастье новое бестрепетно создать?

21

Судьба дает ответ и горестный и странный:
Тот обеспечил жизнь и лучше и верней
И тот придет скорей к обители желанной,
Кто смог достать себе поболее рублей —
Бумаг ли биржевых, монеты ли чеканной,
Земель, полей, лесов иль всяческих вещей —
Всего, что может быть оценено рублями,
Хотя досталось и темными путями.

22

Посмотришь ли вокруг на гордых богачей —
Богатство им далось постыдною ценою:
Иной обманывал доверчивых людей,
Другой умел вести хитро дела с казною,
Тот опекаемых обкрадывал детей,
Тот был ростовщиком, людей пускал с сумою,
Пускает и теперь, коль случай подойдет, —
Зато от всякого им ласка и почет.

23

Иной живет себе отцовским капиталом,
И горд он тем, что даст порой бедняге грош;
Отец иль дед его, конечно, начал малым,
На счастье, к плутовству отменно был пригож,
И вот разбогател, – бегут, как вал за валом,
К наследнику рубли, считай, так не сочтешь.
О том, кто в городе богаче всех, твердили,
Что двадцать лет назад с отцом они ходили

24

В леса разбойничать. Близ города стоит
«Поклонная» гора с крутым обрывом в реку;
Через ее хребет проезжий путь лежит,
Как будто проведен лихому человеку
Нарочно в помощь он. Суровый, дикий вид.
Сосновый лес кругом. Широкою просеку
Дорога заняла; свирепо ропшет бор,
Угрюмый великан, и гневно хмурит взор.

25

На темени горы – площадка над обрывом;
Там сосен вековых разорвана стена.
Глубокая река, в движении ленивом
Обрыв омывшая, внизу едва видна.
Немного впереди, на страх коням пугливым,
Глубокий спуск идет – такая крутизна,
Что надо тормозить проворные колеса,
Чтоб шею не сломать посередине откоса,

26

В былые времена случалось там не раз,
Что путешественник, полночью глухою, —
А то средь бела дня в иной недобрый час, —
С обрыва вниз летел с разбитой головою;
Звенел, гремел за ним тяжелый тарантас, —
Все пожиралось вмиг безмолвною рекою.
Разбойники меж тем, добычу разделя,
Спокойно шли домой чрез бор и чрез поля.

27

Хор одиноких дум и толки городские,
Угла медвежьего постыдная мораль,
Кому ни доведись, советчики плохие.
Спокойно рассудя, конечно, очень жаль,
Что честной бедности мозоли трудовые
Не всякому милы. А иначе едва ль
Нашелся бы приют и в прозе и в поэме
О деньгах и нужде давно, постылой теме,

28

Мечты лазурные иному принесут
Утеху мирную; бедняк трудолюбивый,
С мечтой переплетя свой неприветный труд,
Идет своим путем, и грустный и счастливый.
Иные люди есть: в них грезы не умрут,
Но каждая из них попутчицей ревнивой
Идет, родит в душе желаний гордых зной
И, жизни требуя, не хочет быть мечтой.

29

И много-много дней, отдавшись тайным думам,
Глядит в окно свое Кремлев по вечерам,
Не развлекаемый ни тем нестройным шумом,
Когда ведут коров ребята по домам,
Ни дракой мужиков, ни спором их угрюмым,
Ни тихим веяньем, бегущим по кустам,
Что берега реки бульваром окаймили
И ветки гибкие над нею наклонили.

30

Улыбка горькая порою пробежит,
Как тонкая змея в траве скользнет проворно;
Порой невольный вздох тихонько прозвучит
Стыдливым отзвуком печали тайной, черной, —
И вновь на стиснутых губах его лежит
Печать угрюмых дум, печать тоски упорной.
Но резкий блеск очей всё чаще выдает,
Что на душе созрел решенья сочный плод...

31

Закат сиял пред ним прощальными лучами,
Края пурпурных туч зачем-то золотя;
Гляделся в реку он, как бойкими глазами
Глядится в зеркало веселое дитя;
Оттенки нежные владели небесами,
И тихо ветер полз, травую шелестя.
Кремлев закрыл окно, и, к Насте обратившись,
Он ей сказал, в лице слегка переменившись:

32

«Мне надо уезжать, и очень далеко...
Поеду в Петербург и с месяц там пробуду;
Есть дело важное: с ним сладить не легко,
Но если сладится, тогда тебе я груду
Обновок навезу; ей-ей, на молоко
Ребятам будущим деньжонок я добуду...
Ну, нечего краснеть и нечего ворчать, —
Изволь-ка в путь меня скорее собирать».

33

Уехал утром он... А через две недели
Глухою полночью ударили в набат.
В испуге жители покинули постели,
Оделись наскоро, на улицы спешат...
Недолог был пожар, а все-таки сгорели
Хоромы пышные да хижин бедных ряд.
Хозяин тех хором, купец весьма богатый,
Спознался в эту ночь с неожиданною утратой.

34

Сгорели у него – вот горе, вот удар!
Судьба злодейская, разящая так тяжко!
Сгорели в эту ночь – о, гибельный пожар!
Рыдает наш купец, и стонет он, бедняжка!
Сгорели денежки, и вытерпела жар
Случайно лишь одна кредитная бумажка:
Каким-то волшебством во двор ее снесло
И ветром сунуло в углу под помело.

35

А были тысячи, десятки тысяч даже.
Недавно продал он хорошенький лесок
На сруб и нажился изрядно на продаже,
Но в дело денег тех пока пустить не мог, —
И вдруг добычею пожара или кражи
Исчез весь капитал. Твердили: здесь поджог,
Найти преступника полиция старалась,
Но и следов его нигде не отыскалось.

36

Еще недели две чредою протекли.
Я не могу сказать, чтоб Настенька скучала.
Пускай Кремлев блуждал бог весть в какой дали,
Она себя кой-чем порою развлекала, —
Кого-то в гости к ней глаза ее влекли,
И в чьем-то сердце к ней страстишка запылала.
То был телеграфист, — он мало получал
И тщетно пятый год все повышенья ждал.

37

Настасья стала звать его Володей скоро,
И быстро перешли потом они на ты;
Случалось иногда, в разгаре разговора,
Когда он поверял ей тайные мечты,
От страстного его и пламенного взора
На щечках Настиных бывали разлиты
Такие зореньки, что жарким поцелуем
Спешил он их венчать, восторгами волнуем.

38

Вернулся и Кремлев. Рассеян и угрюм,
А то порой шумлив и весел чрезвычайно,
Порой ответит он и вовсе наобум,
На что-то намекнет порою неслучайно,
Порой молчит, – молчит под гнетом темных дум,
Как будто у него на сердце злая тайна,
Как будто что-нибудь случилось на пути, —
И Настя не могла того перенести.

39

«Что с вами, дяденька, скажите, друг мой милый?»
– «Узнаешь, Настенька, немного погоди».
– «Уж не случилось ли, ах, господи помилуй,
Беды какой-нибудь?» – «Иди себе, иди».
– «А, стала, значит, я племянницей постылой,
Чего и ждать от вас теперь мне впереди!
Напрасно Настенька хорошенькие губки.
Надула Настенька хорошенькие губки.

40

Смеется дядя ей: «Голубка, не ворчи.
Ну что бы подождать еще тебе хоть ночку!
Сюрпризом я хотел... А впрочем, вот ключи
От тайны, коли нет терпения... Как дочку,
Люблю тебя...» – «Ну да!» – «Ах, Настя, помолчи...
У Блокка я купил тебе билет в рассрочку...»
– «Что тратились!..» – «Купил, а завтра и тираж,
И что б ты думала! Ведь выигрыш-то наш».

41

«Ах, милый дядюшка! Неужели? Быть не может!»
– «Да, Настенька, теперь мы славно заживем.
Грошовая нужда нас больше не встревожит.
Мы выстроим себе отличный, прочный дом,
Товарищей сзовем, – пускай их зависть гложет.
По свету странствовать отправимся потом...»
– «Да, дядюшка, с собой Володю мы захватим,
Иль нет, сперва к венцу, а после и покатым».

42

И побледнел Кремлев. «А что-то я устал!» —
Промолвил он с едва скрываемой досадой,
Простился и пошел к себе, – бедняк! Упал
Он на свою постель и с горестной отрадой,
Зажав подушкой рот, до полночи рыдал.
А Настенька меж тем пред ясною лампадой
Молилась, может быть, иль яркою мечтой
Забавила себя, одна в тиши ночной.

43

Мне кажется, пора покончить эту сказку,
Тем более, что в ней трагического нет.
В крови топить ее мещанскую развязку,
Конечно, незачем. К тому же пистолет
Хоть у Кремлева был, да праздно перержавел.
Боюсь, что никого я песней не забавил,
Прерву ж ее строфой, написанной без правил.

21 июня 1890; 24 июля – 26 августа 1894

«Каждый день, в час урочный...»

Мы устали преследовать цели,
На работу затрачивать силы, —
Мы созрели
Для могилы.

Отдадимся могиле без спора,
Как малютки своей колыбели, —
Мы истлеем в ней скоро
И без цели.

28 сентября 1894

«Скользко-холодное...»

Скользко-холодное
Правой рукою трепетно сжато.
Злоба стихает, меркнет забота,
Грезы умчались вдаль без возврата.
Твердое, скользкое.

Только нажать бы мне,
Только на то достало бы силы!
Что это, скорбь, тревога?
Мрак желанной могилы,
Только нажать бы мне!

3 октября 1894

«Лампа моя равнодушно мне светит...»

Лампа моя равнодушно мне светит,
Брошено скучное дело,
Песня еще не созрела, —
Что же тревоге сердечной ответит?

Белая штора висит без движенья.
Чьи-то шаги за стеною.
Эти больные томленья —
Перед бедою!

3 октября 1894

«Сквозь кисейный занавес окна...»

Сквозь кисейный занавес окна
Мне видна
Улицы дремотной тишь —
Снег на скатах крыш,
Ворота, забор...
Изредка прохожие мелькнут...
Шумный спор
Иногда бабенки заведут.

11 октября 1894

Неурожай

Над полями ходит и сердито ропщет
Злой Неурожай,
Взором землю сушит и колосья топчет, —
Стрибог, помогай!

Ходит дикий, злобный, хлеб и мнет и душит,
Обошел весь край
И повсюду землю гневным взором сушит, —
Стрибог, помогай!

Губит наших деток неподвижным взором
Злой Неурожай.
Голодом томимы, молим хриплым хором:
Стрибог, помогай!

11 октября 1894

«О царица моя! Кто же ты? Где же ты...»

О царица моя! Кто же ты? Где же ты?
По каким заповедным иль торным путям
Пробираться к тебе? Обманули мечты,
Обманули труды, а уму не поверю я сам.

Молодая вдова о почившем не может, не хочет
скорбеть.
Преждевременно дева все знает, – и счастье ее
не манит.
Содрогаясь от холода, кланчит старуха и прячет
истертую медь.
Замирающий город туманом и мглою повит.

Умирая, томятся в гирляндах живые цветы.
Побледневший колодник сбежавший прилег, отдыхая,
в лесу у ручья.

Кто же ты,
Чаровница моя?
О любви вдохновенно поет на подмостках поблекший
певец.
Величаво идет в равнодушной толпе молодая жена.
Что-то в воду упало, – бегут роковые обломки
колец.
Одинокая, спешная ночь и трудна, и больна.
Сколько странных видений и странных,
недужных тревог!
Кто же ты, где же ты, чаровница моя?
Недоступен ли твой светозарный чертог?
Или встречу тебя, о царица моя?

20 октября 1894

Морозная даль

Морозная светлая даль,
И низкое солнце, и звезды в снегу...
Несут меня сани. Забыта печаль.
Морозные грезы звенят надо мной на бегу.
Открытое поле все бело и чисто кругом.
Раскинулось небо широким и синим шатром.
Я вспомнить чего-то никак не могу,
Но что позабылось, того и не жаль.
Пуста и безлюдна морозная даль,
Бегут мои кони. Ямщик мой поет.
Деревни дымятся вдали...

Надо мною несется мечта и зовет...
Плещут волны, летят корабли...
Рассыпается девичий смех перекатной волной...
Ароматная ночь обаяла своей тишиной...

Мы крылаты, – плывем далеко от земли...
Ты, невеста моя, не оставишь меня...
Нет, опять предо мною зима предстает,
Быстро сани бегут, и ямщик мой поет,
И навстречу мне снежная пыль мимолетного дня.

20 октября 1894

«Не быть никем, не быть ничем...»

Не быть никем, не быть ничем,
Идти в толпе, глядеть, мечтать,
Мечты не разделять ни с кем
И ни на что не притязать.

24 ноября 1894

«Светлой предутренней грезой...»

Светлой предутренней грезой,
Очерком тонким и нежным,
Девственно-белою розой
Светится в сердце мятежном, —

Нет, не земною женою,
Нет, не из дольных селений!
Это – туманной порою
Небом потерянный гений.

2 декабря 1894

«Оболью горячей кровью...»

Оболью горячей кровью,
Обовью моей любовью
Лилию мою.
В злом краю ночной порою
Утаю тебя, укрою
Бледную мою.
Ты моя, и, отнимая
У ручья, любимца мая,
Лилия моя,
Я пою в ночах зимовья
Соловьем у изголовья,
Бледная мол.

15 ноября – 13 декабря 1894

«Ты не знаешь, невеста, не можешь ты знать...»

Ты не знаешь, невеста, не можешь ты знать,
Как не нужен мне мир и постыл,
Как мне трудно идти, как мне больно дышать,
Как мне страшно крестов и могил.

И напрасно мечта в опечаленной мгле
Мне твои озаряет черты, —
Далека ты, невеста! На грешной земле
И тоска, и беда разлиты.

21 декабря 1894

«Живи и верь обманам...»

Живи и верь обманам,
И сказкам, и мечтам.
Твоим душевным ранам
Отрадный в них бальзам.

И жизни переменной
Нектар кипучий ней,
Напиток сладкопенный
Желаний и страстей.

За грани жизни дольной
Очей не устремляй,
И мыслью своевольной
Природы не пытай.

Вещают тайну тени.
Для смелого ума
В них смертные ступени,
Предсказанная тьма.

О смертный, верь обманам,
И сказкам, и мечте.
Дивись мирским туманам,
Как вечной красоте.

28 марта 1889, 30 декабря 1894

«Где грустят леса дремливые...»

З.Н. Гиппиус

Где грустят леса дремливые,
Изнуренные морозами,
Есть долины молчаливые,
Зачарованные грозами.

Как чужда непосвященному,
В сны мирские погруженному,
Их краса необычайная,
Неслучайная и тайная!

Смотрят ивы суковатые
На пустынный берег илистый.
Вот кувшинки, сном объятые,
Над рекой немой, извилистой.

Вот березки захирелые
Над болотною равниною.
Там, вдали, стеной несмелою
Бор с раздумьем и кручиною.

Как чужда непосвященному,
В сны мирские погруженному,
Их краса необычайная,
Неслучайная и тайная!

5 января 1895

«Вокруг меня зыбкая мгла...»

Вокруг меня зыбкая мгла...
Мне страшно морозной поры...
Невеста в тоске умерла...
Багровы и дымны костры.

Морозная ночь мне страшна...
Как тесно в пустыне небес!
Луна холодна и бледна,
И край горизонта исчез.

По воздуху искры и дым.
Как скупы и чадны огни!
Туманом и мраком седым
Одеты и смяты они.

30 января 1895

«Я устал, – я едва только смею дышать...»

Я устал, – я едва только смею дышать, —
И недужны, и трудны людские пути.
Невозможно понять, невозможно сказать,
И куда же, и как же идти?

В этих жилах струится растленная кровь,
В этом сердце немая трепещет тоска.
И порочны мечты, и бесстыдна любовь,
И безумная радость дика.

28 февраля 1895

«Думы черные лелею...»

Думы черные лелею,
Грустно грежу наяву,
Темной жизни не жалею,
Ткани призрачные рву,

Ткани юных упований
И туманных детских снов;
Чуждый суетных желаний,
Умереть давно готов.

Грустно грежу, скорбь лелею,
Паутину жизни рву
И дознаться не умею,
Для чего и чем живу.

21 марта 1895

«Есть тайна несказанная...»

Есть тайна несказанная,
Но где, найду ли я?
Блуждает песня странная,
Безумная моя.

Дорогой незнакомою,
Среди немых болот,
С медлительной истомою
Она меня ведет.

Мгновения бесследные
Над ней летят в тиши,
И спят купавы бледные,
И дремлют камыши.

Коса ее запутана,
В ней жесткая трава,
И, дикой мглой окутана,
Поникла голова.

Дорогой потаенною,
Среди немых болот,
Где ирис, влагой сонною
Напоенный, цветет,

Блуждает песня странная,
Безумная моя.
Есть тайна несказанная,
Ее найду ли я?

21 марта 1895

«Слова твои строптивые...»

Слова твои строптивые,
Цветы твои поблекшие,
Глаза твои недужные
И руки изнемогшие.

Словами тайна сказана,
Слезами тайна выдана,
Былое тайной связано,
Иное не увидано.

21 – 22 марта 1895

«Я душой умирающей...»

Я душой умирающей
Жизни рад и не рад.
И от бури вызывающей
Не ищу я оград.

Я беспечной улыбкою
Отвечаю грозе,
И покорностью зыбкою
Я подобен лозе.

Верю сказке божественной,
Вижу дивные сны.
Что мне радость торжественной
Нерастленной весны!

Что мне звезды небесные,
Их торжественный строй!
Что мне торжища тесные
И телец золотой!

Горько пахнет известью
В переулке моем.
Я дорогою жесткою
Пробираюсь в мой дом.

Там дыхание ладана
Все мерещится мне,
Там святыня угадана
В неземной тишине.

Бесконечность страдания
В тех стенах вмещена,
И тоска умирания,
Как блаженство, ясна.

14 сентября 1893, 29 марта 1895

«Многоцветная ложь бытия...»

Многоцветная ложь бытия,
Я бороться с тобой не хочу.
Пресмыкаюсь томительно я,
Как больная и злая змея,
И молчу, сиротливо молчу.

У подножья нахмуренных скал,
По расселинам мглисто-сырым
Мой отверженный путь пролегал.
Там когда-то я с верой внимал
Голосам и громам роковым.

А теперь, как больная змея,
По расселинам мглисто-сырым
Пробираюсь медлительно я.
Многоцветная ложь бытия,
Я отравлен дыханьем твоим.

5-6 апреля 1895

«Я любил в тебе слиянье...»

Я любил в тебе слиянье
Качеств противоположных:
Глаз правдивых обаянье
И обман улыбок ложных;

Кротость девочки-подростка,
Целомудренные грезы —
И бичующие жестко
Обличенья и угрозы;

Сострадательную нежность
Над поруганной рабыней —
И внезапную мятежность
Перед признанной святыней.

7 апреля 1895

«Я люблю всегда далекое...»

Я люблю всегда далекое,
Мне желанно невозможное,
Призываю я жестокое,
Отвергаю непреложное.

Там я счастлив, где туманные
Раскрываются видения,
Где скользят непостоянные
И обманные мгновения,

Где сверкают неожиданно
Взоры молний потухающих...
Мне желанно, что невиданно, —
Не хочу я расцветающих.

7 апреля 1895

«Толпы домов тускнели...»

Толпы домов тускнели
В тумане млечном,
Томясь в бессильи хмуром
И бесконечном,

И дождь все падал, плача,
И под ногами
Стекал он по граниту
В канал струями,

И сырость пронизала
Больное тело.
Измученная жизнью,
Ты вниз глядела,

Где отраженья млели
В воде канала,
И дрожью отвращенья
Ты вся дрожала.

Зачем же ты стояла
Перед сквозною
Чугунною решеткой
Над злой водою,

И мутными глазами
Чего искала
В зеленовато-желтой
Воде канала?

10 апреля 1895

«Я приготовился принять гостей...»

Я приготовился принять гостей,
Украсил я свою келейку,
И вышел к воротам, и сел там на скамейку,
С дороги не свожу внимательных очей
И жду, — а путь лежит печальный и пустынный,
Бубенчик не гудет, колеса не гремят,
Лишь вихри пыльные порою закружат, —
И снова путь лежит докучливый и длинный.

14 апреля 1895

«Этот зыбкий туман над рекой...»

Этот зыбкий туман над рекой
В одинокую ночь, при луне, —
Ненавистен он мне, и желанен он мне
Тишиною своей и тоской.
Я забыл про дневную красу,
И во мглу я тихонько вхожу,
Еле видимый след напряженно слежу
И печали мои одиноко несу.

14 мая 1895

«На серой куче сора...»

На серой куче сора,
У пыльного забора,
На улице глухой
Цветет в исходе мая,
Красою не прельщая,
Угрюмый зверобой.

В скитаниях ненужных,
В страданиях недужных,
На скудной почве зол,
Вне светлых впечатлений
Безрадостный мой гений
Томительно расцвел.

26 мая 1895

«В тени аллеи прохлады...»

В тени аллеи прохлады,
Нарядны господа,
А за оградой сада
Голодная нужда.

Глядит на бойких деток
Мальчишка-водонос,
В одну из узких клеток
Решетки всунув нос.

На жесткие камененья
Потом ему идти,
Томления терпения
В груди своей нести.

Мучительно мне видеть
Неравенство людей
И горько ненавидеть
И взрослых и детей.

8 июня 1895

«Покрыла зелень ряски...»

Покрыла зелень ряски
Пустынный старый пруд, —
Я жду, что оживут
Осмеянные сказки:

Русалка приплывет,
Подыметесь, нагая,
Из сонной глади вод
И запоем, играя

Зеленою косою,
А в омуте глубоком
Сверкнет огромным оком
Ревнивый водяной...

Но тихо дремлет ряска,
Вода не шелохнется, —
Прадедовская сказка
Вовек не оживет...

6 апреля 1889, 11 июля 1895

«Как бессвязный рассказ идиота...»

Как бессвязный рассказ идиота,
Надоедлива жизнь и темна.
Ожидаю напрасно чего-то, —
Безответна ее глубина.

Перепутаны странно дороги.
А зачем-то куда-то бреду.
Предо мною в багряном бреду
Терема золотые, чертоги.

31 июля 1895

«В амфоре, ярко расцвеченной...»

В амфоре, ярко расцвеченной,
Угрюмый раб несет вино.
Неровен путь неосвещенный,
А в небесах уже темно, —
И напряженными глазами
Он зорко смотрит в полутьму,
Чтоб через край вино струями
Не пролилось на грудь ему.

Так я несу моих страданий
Давно наполненный фиал.
В нем лютый яд воспоминаний,
Таясь коварно, задремал.
Иду окольными путями
Вдали от всех, чтоб кто-нибудь
Неосторожными руками
Не пролил яда мне на грудь.

23 июля 1887, 9 мая 1893, 12 сентября 1895

«Нет, не одно только горе...»

Нет, не одно только горе, —
Есть же на свете
Алые розы, и зори,
И беззаботные дети.

Пусть в небесах догорают
Зори так скоро,
Пусть наши розы роняют
Скоро уборы,

Пусть омрачаются рано
Властию зла и обмана
Детские взоры, —
Розы, и зори, и дети
Будут на пасмурном свете.

24 сентября 1895

«Истомил меня пасмурный день...»

Истомил меня пасмурный день,
Извела одинокая скука.
Неотступна чуть видная тень,
Повторений томящих порука.

Впечатлений навязчивых сеть...
Разорвать бы постылые петли!
Не молитвой ли сердце согреть?
О веселых надеждах не спеть ли?

Но молитвы забыты давно,
И наскучили песни былые,
Потому что на сердце темно,
Да и думы – такие все злые!

19 ноября 1894, 5 октября 1895

«Словно бусы, сказки нижут...»

Словно бусы, сказки нижут,
Самоцветки, ложь да ложь.
Языком клевет не слижут,
Нацепили, и несешь.

Бубенцы к дурацкой шапке
Пришивают, ложь да ложь.
Злых репейников охапки
Накидали, не стряхнешь.

Полетели отовсюду
Комья грязи, ложь да ложь.
Навалили камней груды,
А с дороги не свернешь.

По болоту-бездорожью
Огоньки там, ложь да ложь, —
И барахтаешься с ложью,
Или в омут упадешь.

10 октября 1895

«Шум и ропот жизни скудной...»

Шум и ропот жизни скудной
Ненавистны мне.
Сон мой трудный, непробудный
В мертвой тишине,

Ты взлелеян скучным шумом
Гордых городов,
Где моим заветным думам
Нет надежных слов.

Этот грохот торопливый
Так враждебен мне.
Долог сон мой, сон ленивый
В мертвой тишине.

26 октября 1895

«Покоряясь жажде странной...»

Покоряясь жажде странной,
Овладевши кучей книг,
Как тигрица на добычу,
Ты набросилась на них.

Не учись по этим книгам,
Что лежат перед тобой, —
Лицемеры их писали,
Вознесенные толпой.

Что прилично, что обычно,
Что вошло уже в закон,
Лишь тому их жалкий лепет
Малодушно посвящен.

А тому, что в темном сердце
Подымает бунт страстей,
Не могли они ответить
Речью косою своей.

6 декабря 1895

«Хорошо бы стать рыбачкой...»

Хорошо бы стать рыбачкой,
Смелой, сильной и простой,
С необутыми ногами,
С непокрытой головой.
Чтоб в ладье меня качала б
Говорливая волна,
И в глаза мои глядели б
Небо, звезды и луна.
На прибрежные каменья
Выходила б я боса,
И по ветру черным флагом
Развевалась бы коса.

6 декабря 1895

«Приучив себя к мечтаньям...»

Приучив себя к мечтаньям,
Неживым очарованиям
Душу слабую отдав,
Жизнью занят я минутно,
Равнодушно и попутно,
Как вдыхают запах трав,
Шелестящих под ногами
В полуночной тишине,
Отвечающей луне
Утомительными снами
И тревожными мечтами.

7 декабря 1895

«Мне страшный сон приснился...»

Мне страшный сон приснился,
Как будто я опять
На землю появился
И начал возрасть,

И повторился снова
Земной ненужный строй
От детства голубого
До старости седой:

Я плакал и смеялся,
Играл и тосковал,
Бессильно порывался,
Беспомощно искал...

Мечтою облелеян,
Желал высоких дел, —
И, братьями осмеян,
Вновь проклял свой удел.

В страданиях усладу
Нашел я кое-как,
И мил больному взгляду
Стал замогильный мрак,

И, кончив путь далекий,
Я начал умирать, —
И слышу суд жестокий:
«Восстань, живи опять!»

12 декабря 1895

«Кинул землю он родную...»

Кинул землю он родную
И с женой не распрощался.
Из одной земли в другую
Долго молодец шатался.
Наконец в земле литовской
Счастье парню привалило
И удачей молодцовской
Вдосталь наделило.
Был он конюхом сначала,
Полюбился королеве,
И она его ласкала, —
А потом повис на древе,
Потому что проследили,
Донесли и уличили!
Суд был строгий и короткий:
Королеву заточили,
Парня в петле удавили
Под ее окном с решеткой.

7 января 1896

«На гулких улицах столицы...»

На гулких улицах столицы
Трепещут крылья робких птиц,
И развернулись вереницы
Угрюмых и печальных лиц.

Пол яркой маской злого света
Блестит торжественно глазет.
Идет, вся в черное одета,
Жена за тем, кого уж нет.

Мальчишки с песнею печальной
Бредут в томительную даль
Пред колесницей погребальной,
Но им покойника не жаль,

28 – 29 января 1896

«Вдали, над затравленным зверем...»

Вдали, над затравленным зверем,
Звенит, словно золотом, рог.
Не скучен боярыне терем,
И взор ее нежен и строг.

Звенит над убитым оленем,
Гремит торжествующий рог.
Коса развилась по коленям,
И взор и призывен, и строг.

Боярин стоит над добычей,
И рог сладкозвучен ему.
О, женский лукавый обычай!
О, сладкие сны в терему!

Но где же, боярин, твой кречет?
Где верный сокольничий твой?
Он речи лукавые мечет,
Целуясь с твоею женой.

1 – 2 февраля 1896

«Расцветайте, расцветающие...»

Расцветайте, расцветающие,
Увядайте, увядающие,
Догорай, объятые огнем, —
Мы спокойны, не желающие,
Лучших дней не ожидающие,
Жизнь и смерть равно встречающие
С отуманенным лицом.

25 февраля 1896

«Дорогой скучно-длинною...»

Дорогой скучно-длинною,
Безрадостно-пустынною,
Она меня вела,
Печалью изранила,
И разум отуманила,
И волю отняла.

Послушен ей, медлительной,
На путь мой утомительный
Не жалуясь, молчу.
Найти дороги горные,
Веселые, просторные,
И сам я не хочу.

Глаза мои дремотные
В виденья мимолетные
Безумно влюблены.
Несут мои мечтания
Святые предвещения
Великой тишины.

9 – 10 марта 1896

«Вывески цветные...»

Вывески цветные,
Буквы золотые,
Солнцем залитые,
Магазинов ряд
С бойкою продажей,
Грохот экипажей, —
Город солнцу рад.

Но в толпе шумливой,
Гордой и счастливой,
Вижу я стыдливой,
Робкой нищеты
Скорбные приметы:
Грубые предметы,
Темные черты.

18 марта 1896

«Имена твои не ложны...»

Имена твои не ложны,
Беспечальны, бестревожны, —
Велика их глубина.
Их немолчный, темный шепот,
Предвещательный их ропот
Как вместить мне в письмена?

Имена твержу, и знаю,
Что в ином еще живу,
Бесполезно вспоминаю
И напрасно я зову.

Может быть, ты проходила,
Не жалела, но щадила,
Не желала, но звала,
Грустно взоры опускала,
Трав каких-то все искала,
Находила и рвала.

Может быть, ты устремляла
На меня тяжелый взор
И мечтать не позволяла
Про победу и позор.

Имена твои все знаю,
Ими день я начинаю
И встречаю мрак ночной,
Но сказать их вслух не смею,
И в толпе людской немею,
И смущен их тишиной.

19 марта 1896

«Грустные взоры склоняя...»

Грустные взоры склоняя,
Светлые слезы роняя,
Ты предо мною стоишь.
Только б рыданья молчали, —
Злые лобзанья печали
Ты от толпы утаишь.

Впалые щеки так бледны.
Вешние ль грозы бесследны,
Летний ли тягостен зной,
Или на грех ты дерзаешь, —
Сердце мое ты терзаешь
Смертной своей белизной.

20 марта 1896

«Запах асфальта и грохот колес...»

Запах асфальта и грохот колес,
Стены, камня и плиты...
О, если б ветер внезапно донес
Шелест прибрежной ракушки!

Грохот на камнях и ропот в толпе, —
Город не хочет смириться.
О, если б вдруг на далекой тропе
С милою мне очутиться!

Ясные очи младенческих дум
Сердцу открыли бы много.
О, этот грохот, и ропот, и шум —
Пыльная, злая дорога!

21 – 30 марта 1896

«Одиночество – общий удел...»

Одиночество – общий удел,
Да не всякий его сознает, —
Ты себя обмануть не хотел,
И оно тебе ад создает.

И не рад ты, и рад ты ему,
Но с броской безутешной твоей
Никогда не пойдешь ни к кому —
И чего б ты просил у людей?

Никому не завидовал ты,
Пожелать ничего ты не мог,
И тебя увлекают мечты
На просторы пустынных дорог.

18 апреля 1896

«Царевной мудрой Ариадной...»

Царевной мудрой Ариадной
Царевич доблестный Тезей
Спасен от смерти безотрадной
Среди запутанных путей:
К его одежде привязала
Она спасительную нить, —
Перед героем смерть стояла,
Но не могла его пленить,
И, победитель Минотавра,
Свивая нить, умел найти
Тезей к венцу из роз и лавра
Прямые, верные пути.

А я – в тиши, во тьме блуждаю,
И в Лабиринте изнемог,
И уж давно не понимаю
Моих обманчивых дорог.
Все жду томительно: устанет
Судьба надежды хоронить,
Хоть перед смертью мне протянет
Путеводительную нить, —
И вновь я выйду на свободу,
Под небом ясным умереть
И, умирая, на природу
Глазами ясными смотреть.

17 марта – 27 апреля 1896

«Изменил я тебе, неземная...»

Изменил я тебе, неземная, —
Я земную жену полюбил.
Обагрился закат, догорая,
Ароматами нежными мая
Сладкий вечер меня отравил.

Под коварным сиреневым цветом,
Улыбаясь и взоры клоня,
Та, земная, пленила меня
Непорочно-лукавым приветом.

Я, невеста, тебе изменил,
Очарованный девою телесной.
Я твой холод блаженный забыл.
О, закрой меня ризой небесной
От земных распаляющих сил!

14 мая 1896

«В тишине бездыханной ночной...»

В тишине бездыханной ночной
Ты стоишь у меня за спиной,
Я не слышу движений твоих,
Как могила, ты темен и тих.
Оглянуться не смею назад,
И на мне твой томительный взгляд,
И как ночь раскрывает цветы,
Что цветут для одной темноты,
Так и ты раскрываешь во мне
Все, что чутко живет в тишине, —
И вошел я в обитель твою,
И в кругу чародейнам стою.

28 мая 1896

«Не понять мне, откуда, зачем...»

Не понять мне, откуда, зачем
И чего он томительно ждет.
Предо мною он грустен и нем,
И всю ночь напролет
Он вокруг меня чем-то чертит
На полу чародейный узор,
И куреньем каким-то дымит,
И туманит мой взор.
Опускаю глаза перед ним,
Отдаюсь чародейству и сну,
И тогда различаю сквозь дым
Голубую страну.
Он приникнет ко мне и ведет,
И улыбка на мертвых губах, —
И блуждаю всю ночь напролет
На пустынных путях.
Рассказать не могу никому,
Что увижу, услышу я там, —
Может быть, я и сам не пойму,
Не припомню и сам.
Оттого так мучительны мне
Разговоры, и люди, и труд,
Что меня в голубой тишине
Волхвования ждут.

29 мая 1896

«Грозные невзгоды...»

Грозные невзгоды,
Темная вражда.
Быстро мчатся годы.
За бедой беда.
Утешаться, верить,
Ворожить, тужить,
Плакать, лицемерить.
Стоит жить!

Дни идут. Все то же,
Перемены нет.
Думы злее, строже.
Много, много лет
Медленно трудиться,
Угождать, служить,
Унижаться, биться.
Стоит жить!

6 июня 1896

Пилигрим

В одежде пыльной пилигрима,
Обет свершая, он идет,
Босой, больной, неустомимо,
То шаг назад, то два вперед,
И, чередуясь мерно, дали
Встают все новые пред ним,
Неистощимы, как печали, —
И все далек Ерусалим...

В путях томительной печали
Стремится вечно род людской
В недостижимые дали
К какой-то цели роковой.
И создает неустомимо
Судьба преграды перед ним,
И все далек от пилигрима
Его святой Ерусалим.

7 – 12 июня 1896

«На песке прихотливых дорог...»

На песке прихотливых дорог
От зари догорающей свет
Озарил, расцветил чьих-то ног
Тонкий след...

Может быть, здесь она проходила,
Оставляя следы на песке,
И помятый цветок проносила
На руке.

Поднимая раскрытую руку,
Далеко за мечтой унеслась
И далекому, тайному звуку
Отдалась.

Тосковали на нежной ладони
Молодой, по жестокой руки
По своей ароматной короне
Лепестки...

Молодою и чуждой печалью
Не могу я души оживить
И того, что похищено далью,
Воротить.

Мне об ней ничего не узнать,
Для меня обаяния нет.
Что могу на земле различать?
Только след.

1 – 2 июля 1896

«Не люблю, не обольщаюсь...»

Не люблю, не обольщаюсь,
Не привязываюсь к ним,
К этим горько-преходящим
Наслаждениям земным.

Как ребенок, развлекаюсь,
Мимолетною игрой,
И доволен настоящим —
Полднем радостным и тьмой.

3 июля 1896

«Не нашел я дороги...»

Не нашел я дороги,
И в дремучем лесу
Все бывшие тревоги
Осторожно несу.

Все мечты успокоя,
Беспечален и нем,
Я заснувшего зоя
Не тревожу ничем.

Избавление чую,
Но путей не ищу, —
Ни о чем не тоскую,
Ни на что не ропщу.

3 – 4 июля 1896

«Короткая радость сгорела...»

Короткая радость сгорела,
И снова я грустен и нищ,
И снова блуждаю без дела
У чуждых и темных жилищ.

Я пыл вдохновенья ночного
Больною душой ощущал,
Виденья из мира иного
Я светлым восторгом встречал.

Но краткая радость сгорела,
И город опять предо мной,
Опять я скитаюсь без дела
По жесткой его мостовой.

7 июля 1896

«Под одеждою руки скрывая...»

Под одеждою руки скрывая,
Как спартанский обычай велит,
И смиренно глаза опуская,
Перед старцами отрок стоит.
На минуту вопросом случайным
Задержали его старики, —
И сжимает он что-то потайным,
Но могучим движеньем руки.
Он лисицу украл у кого-то,
И лисица грызет ему грудь,
Но у смелого только забота —
Стариков, как и всех, обмануть.
Удалось! Он добычу уносит,
Он от старцев идет не спеша, —
И живую лисицу он бросит
Под намет своего шалаша.

Проходя перед злою толпою,
Я сурово печаль утаю,
Равнодушием внешним укрою
Ото всех я кручину мою, —
И пускай она сердце мне гложет,
И пускай ее трудно скрывать,
Но из глаз моих злая не сможет
Унизительных слез исторгать.
Я победу над ней торжествую
И уйти от людей не спешу, —
Я печаль мою злую, живую
Принесу к моему шалашу,
И под темным наметом я сброшу,
Совершив утомительный путь,
Вместе с жизнью жестокою ношу,
Истомившую гордую грудь.

6 – 8 июля 1896

«Влачится жизнь моя в кругу...»

Влачится жизнь моя в кругу
Ничтожных дел и впечатлений,
И в море вольных вдохновений
Не смею плыть – и не могу.

Стою на звучном берегу,
Где ропщут волны песнопений,
Где веют ветры всех стремлений,
И все чего-то стерегу.

Быть может, станет предо мною,
Одетый пеною морскою,
Прекрасный гость из чудных стран,

И я услышу речь живую
Про все, о чем я здесь тоскую,
Про все, чем дивен океан.

10 – 12 июля 1896

«На закат, на зарю...»

На закат, на зарю
Долго, долго смотрю.

Слышу, кровь моя бьется
И в заре отдается.

Как-то весело мне,
Что и я весь в огне.

Это – кровь моя тает
И горит да играет

Над моею горой,
Над моею рекой.

Вот заря догорела,
Мне смотреть надоело.

Я глаза затворил,
Я весь мир погасил.

31 июля 1896

«Восставил бог меня из влажной глины...»

Восставил бог меня из влажной глины,
Но от земли не отделил.
Родные мне вершины и долины,
Как я себе, весь мир мне мил.

Когда гляжу на дальние дороги,
Мне кажется, что я на них
Все чувствую колеса, камни, ноги,
Как будто на руках моих.

Гляжу ли я на звонкие потоки —
Мне кажется, что это мне
Земля несет живительные соки,
Свои дары моей весне.

1 августа 1896

«Затаился в траве и лежу...»

Затаился в траве и лежу,
И усталость мою позабыл, —
У меня ль недостаточно сил?
Я глубоко и долго гляжу.

Солнцем на небе сердце горит,
И расширилась небом душа,
И мечта моя ветром летит,
В запредельные страны спеша.

И на небе моем облака
То тают, то катятся вновь.
Позабыл, где нога, где рука,
Только в жилах торопится кровь.

2 августа 1896

Все во всем

Если кто-нибудь страдает,
Если кто-нибудь жесток,
Если в полдень увядает
Зноем сгубленный цветок, —

В сердце болью отзовется
Их погибель и позор,
И страданием зажжется
Опечаленный мой взор:

Потому что нет иного
Бытия, как только я;
Радость счастья голубого
И печаль томленья злого,
Всё, во всем душа моя.

5 августа 1896

«Я люблю мою темную землю...»

Я люблю мою темную землю,
И, в предчувствии вечной разлуки,
Не одну только радость приемлю,
Но смиренно и тяжкие муки.

Ничего не отвергну в созданыи, —
И во всем есть восторг и веселье,
Есть великая трезвость в мечтаньи,
И в обычности буйной — похмелье.

Преклоняюсь пред Духом великим,
И с Отцом бытие мое слито,
И созданием Его многоликим
От меня ли единство закрыто!

5 августа 1896

«Какие-то светлые девы...»

Какие-то светлые девы
Сегодня гостили у нас.
То не были дочери Евы, —
Таких я не видывал глаз.
Я встретил их где-то далеко
В суровом лесу и глухом.
Бежали они одиноко,
Пугливо обнявшись, вдвоем.
И было в них много печали,
Больной, сиротливой, лесной,
И ноги их быстро мелькали,
Покрытые светлой росой.
Но руки их смелой рукою
Сложил я в спасающий крест
И вывел их верной тропою
Из этих пугающих мест.
И бедные светлые девы
Всю ночь прогостили у нас, —
Я слушал лесные напевы,
И сладкий, и нежный рассказ.

5-6 августа 1896

«Путь мой трудный, путь мой длинный...»

Путь мой трудный, путь мой длинный,
Я один в стране пустынной,
Но улады есть в пути, —
Улыбаюсь, забавляюсь,
Сам собою вдохновляюсь,
И не скучно мне идти.

Широки мои поляны,
И белы мои туманы,
И светла луна моя,
И поет мне ветер вольный
Речью буйной, безглагольной
Про блаженство бытия.

7 – 11 августа 1896 Нижний Новгород

«Больному сердцу любо...»

Больному сердцу любо
Строй жизни порицать.
Все тело хочет грубо
Мне солнце пронизать,

Луна не обратилась
В алтарную свечу,
И все навек сложилось
Не так, как я хочу.

Кто дал мне это тело
И с ним так мало сил,
И жаждой без предела
Всю жизнь меня томил?

Кто дал мне землю, воды,
Огонь и небеса,
И не дал мне свободы,
И отнял чудеса?

На прахе охладелом
Былого бытия
Природою и телом
Томлюсь безумно я.

7 – 11 августа 1896 Нижний Новгород

«Из мира чахлой нищеты...»

Из мира чахлой нищеты,
Где жены плакали и дети лепетали,
Я улетал в заоблачные дали
В объятьях радостной мечты,
И с дивной высоты надменного полета
Преображал я мир земной,
И он сверкал передо мной,
Как темной ткани позолота.
Потом, разбуженный от грез
Прикосновеньем грубой жизни,
Моей мучительной отчизне
Я неразгаданное нес.

11 августа 1896 Волга

«Люблю мое молчанье...»

Люблю мое молчанье
В лесу во тьме ночей
И тихое качанье
Задумчивых ветвей.
Люблю росу ночную
В сырых моих лугах
И влагу полевую
При утренних лучах.
Люблю зарю алой
Веселый холодок
И бледный, запоздалый
Рыбачий огонек.
Тогда успокоенье
Нисходит на меня,
И что мне все томленье
Пережитого дня!
Я всем земным простором
Блаженно замолчу
И многозвездным взором
Весь мир мой охвачу.
Закроюсь я туманом
И волю дам мечтам,
И сказочным обманом
Раскинусь по полям.

14 – 15 августа 1896

«Усмиривши творческие думы...»

Усмиривши творческие думы,
К изголовью день мой наклоня,
Погасил я блеск, огни и шумы,
Всё, что здесь не нужно для меня.

Сквозь полузакрытые ресницы
Я в края полночные вхожу
И в глаза желанной Царь-Девы
Радостно гляжу.

17 августа 1896

«Какие злые перемены...»

Какие злые перемены!
Зачем же вас я должен знать?
Опять меня замкнули стены,
Я каменеть начну опять.

И шум и грохот воздвигаю
Опять на улицах моих,
И понемногу забываю
О тишине ночей лесных,

И учреждаю я торговлю,
И зажигаю фонари,
И забываю сад, и кровлю,
И свежесть утренней зари.

15 октября 1896

«Какой-то хитрый чародей...»

Какой-то хитрый чародей
Разъединил мое сознание
С природою моею, —
И в этом всё мое страдание.

Но если дремлет он порой
И колдовство оставит,
Уже природа не лукавит,
Не забавляется со мной.

Послушна и правдива,
Она приблизится ко мне.
В ее бездонной глубине
Я вижу девственные дива.

20 октября 1896

«Бывают дивные мгновенья...»

Бывают дивные мгновенья,
Когда насквозь озарено
Блаженным светом вдохновенья
Все, так знакомое давно.

Всё то, что сила заблужденья
Всегда являла мне чужим,
В блаженном свете вдохновенья
Опять является моим.

Смиряются мои стремленья,
Мои безбурны небеса,
В блаженном свете вдохновенья
Какая радость и краса!

21 октября 1896

«Я – бог таинственного мира...»

Я – бог таинственного мира,
Весь мир в одних моих мечтах.
Не сотворю себе кумира
Ни на земле, ни в небесах.

Моей божественной природы
Я не открою никому.
Тружусь, как раб, а для свободы
Зову я ночь, покой и тьму.

28 октября 1896

«Просыпаюсь рано...»

Просыпаюсь рано.
Чуть забрезжил свет,
Темно от тумана,
Встать мне или нет?
Нет, вернусь упрямо
В колыбель мою, —
Спой мне, спой мне, мама:
«Баюшки-баю!»

Молодость мелькнула,
Радость отнята,
Но меня вернула
В колыбель мечта.
Не придет родная, —
Что ж, и сам спою,
Горе усыпляя:
«Баюшки-баю!»

Сердце истомилось.
Как отрадно спать!
Горькое забылось,
Я – дитя опять,
Собираю что-то
В голубом краю,
И поет мне кто-то:
«Баюшки-баю!»

Бездыханно, ясно
В голубом краю.
Грезам я бесстрастно
Силы отдаю.
Кто-то безмятежный
Душу пьет мою.
Шепчет кто-то нежный;
«Баюшки-баю!»

Наступает томный
Пробужденья час.
День грозит темный,
Милый сон погас,
Начала забота
Воркотню свою,
Но мне шепчет кто-то:
«Баюшки-баю!»

1 – 2 декабря 1896

«Поднимаю бессонные взоры...»

Поднимаю бессонные взоры
И луну в небеса вывожу,
В небесах зажигаю узоры
И звездами из них ворожу,

Насылаю безмолвные страхи
На раздолье лесов и полей
И бужу беспокойные взмахи
Окрыленной угрозы моей.

Окружился я быстрыми снами,
Позабылся во тьме и в тиши,
И цвету я ночными мечтами
Бездыханной вселенской души.

2 декабря 1896

«Никого и ни в чем не стыжусь...»

Никого и ни в чем не стыжусь, —
Я один, безнадежно один,
Для чего ж я стыдливо замкнусь
В тишину полуночных долин?

Небеса и земля – это я,
Непонятен и чужд я себе,
Но великой красой бытия
В роковой побеждаю борьбе.

8 декабря 1896

«Никого и ни в чем не стыжусь...»

Вижу зыбку над могилой,
Знаю, – мать погребена,
И ребенка грудью хилой
Не докормит уж она.
Нет младенца в колыбели,
Крепко спит в могиле мать,
Только зимние метели
Станут зыбку подымать.

Эта зыбка и могила, —
В них мой образ вижу я:
Умерла бывая сила,
Опустела жизнь моя, —
Кто-то вынул сон прекрасный
Из души моей больной
И томит меня безгласной,
Бездыханной тишиной.

9 декабря 1896

«Надо мною жестокая твердь...»

Надо мною жестокая твердь,
Предо мною томительный путь,
А за мною лукавая смерть
Всё зовет да манит отдохнуть.

Я ее не хочу и боюсь,
Отвращаюсь от злого лица.
Чтоб ее одолеть, я стремлюсь
Расширять бытие без конца.

Я – царевич с игрушкой в руках,
Я – король зачарованных стран.
Я – невеста с тревогой в глазах,
Богомолкой бреду л в туман.

14 декабря 1896

«Я лицо укрыв бы в маске...»

Я лицо укрыв бы в маске,
Нахлобучил бы колпак
И в бесстыдно-дикой пляске
Позабыл бы кое-как
Роковых сомнений стаю
И укоры без конца —
Всё, пред чем не поднимаю
Незакрытого лица.
Гулкий бубен потрясая
Высоко над головой,
Я помчался б, приседая,
Дробь ногами выбивая,
Пред хохочущей толпой,
Вкруг литого, золотого,
Недоступного тельца,
Отгоняя духа злого,
Что казнит меня сурово
Скудной краскою лица.
Что ж меня остановило?
Или это вражья сила
Сокрушила бубен мой?
Отчего я с буйным криком
И в безумии великом
Пал на камни головой?

17 декабря 1896, 15 декабря 1896

«Злое земное томленье...»

Злое земное томленье,
Злое земное житье,
Божье ли ты сновиденье
Или ничье?

В нашем, в ином ли твореньи
К истине есть ли пути,
Или в бесплодном томленьи
Надо идти?

Чьим же творящим хотеньем
Неразделимо слита
С неутомимым стремленьем
Мира тщета?

26 декабря 1896

«На меня ползли туманы...»

На меня ползли туманы
Заколдованного дня,
Чародейства и обманы
Выходили на меня,
Мне безликие грозили,
Мне полуденная мгла
Из дорожной серой пыли
Вихри зыбкие вила.

Но таинственное слово
Начертал я, на земле, —
Обаянья духа злого
Робко замерли во мгле.
Без меча вошел я смело
В ту заклятую страну,
Где так долго жизнь коснела
И покорствовала сну.

Вражья сила разливала
Там повсюду страх и тьму, —
Там царевна почивала,
Сидя с прялкой в терему,
Замерла у дивной пряжи
С нитью тонкою рука;
Ветер стих на буйном взмахе,
Ставнем двинувши слегка.

Я вошел в ее светлицу,
Победитель темных сил,
И красавицу девицу
Поцелуем разбудил.
Очи светлые открыла
И зарделась вдруг она,
И рукой перехватила
Легкий взмах веретена.

10 февраля 1897

«За мельканьем волшебных узоров...»

За мельканьем волшебных узоров
Я слежу в заколдованной мгле,
И моих очарованных взоров
Не прельщает ничто на земле.

Обаянья мои как вериги,
Я страданий моих не боюсь.
Мудрецам, изучающим книги,
Я безумцем порочным кажусь.

Но моя недоступна ограда,
Стережет меня крепко печаль.
И в печали, и в тайне – отрада,
И надежд простодушных не жаль.

20 февраля 1897

«Не ужасай меня угрозой...»

Не ужасай меня угрозой
Безумства, муки и стыда,
Навек останься легкой грезой,
Не воплощайся никогда.

Храни безмерные надежды,
Звездой далекою светись,
Чтоб наши грубые одежды
Вокруг тебя не обвилились.

7 марта 1897

«Порою туманной...»

Порою туманной,
Дорогою трудной
Иду!
О друг мой желанный,
Спаситель мой чудный, —
Я жду!
Мгновенное племя,
Цветут при дороге
Мечты.
Медлительно время,
И сердце в тревоге, —
А ты,
Хоть смертной тропею,
В последний, жестокий
Мой день,
Пройди предо мною,
Как призрак далекий,
Как тень!

7 марта 1897

«Ты печаль,но мерцала...»

Ты печаль,но мерцала
Между ярких подруг
И одна не вступала
В их пленительный круг.

Незаметная людям,
Ты открылась лишь мне,
И встречаться мы будем
В голубой тишине,

И, молчание ночи
Навсегда полюбя,
Я бессонные очи
Устремлю на тебя.

Ты без слов мне расскажешь,
Чем и как ты живешь,
И тоску мою свяжешь,
И печали сожжешь.

26 марта 1897

«Над безумием шумной столицы...»

Над безумием шумной столицы
В темном небе сияла луна
И далеких светил вереницы,
Как виденья прекрасного сна.

Но толпа проходила беспечно,
И на звезды никто не глядел,
И совхоз их, вещающий вечно,
Безответно и праздно горел.

И один лишь скиталец покорный
Подымал к ним глаза от земли,
Но спасти от гибели черной
Их вещанья его не могли.

28 марта 1897

«Постройте чертог у потока...»

Постройте чертог у потока
В таинственно-тихом лесу,
Гонцов разошлите далеко,
Сберите живую красу —

Детей беспокровных,
Голодных детей
Ведите в защиту дубровных
Широких ветвей.

Проворные детские ноги
В зеленом лесу побегут
И в нем молодые дороги
Себе обретут.
Возделают детские руки
Эдем, для работы сплетясь, —
И зой их веселые звуки
Окличет, в кустах притаясь.

8 апреля 1897

«Я не спал, – и звучало...»

Я не спал, – и звучало
За рекой,
Трепетало, рыдало
Надо мной.

Это пела русалка,
А не ты.
И былого мне жалко,
И мечты.

До зари недалекой
Как заснуть!
Вспоминал я жестокий,
Долгий путь.

А русалка смеялась
За рекой, —
Нет, не ты издевалась
Надо мной,

8 апреля 1897

«Близ одинокой избушки...»

Близ одинокой избушки
Молча глядим в небеса.
Глупые стонут лягушки,
Мочит нам платье роса.

Все отсырели дороги, —
Ты не боишься ничуть
И загорелые ноги
Так и не хочешь обуть.

Сердце торопится биться, —
Твой ожидающий взгляд
Рад бы ко мне обратиться, —
Я ожиданию рад.

11 апреля 1897

«Живы дети, только дети...»

Живы дети, только дети, —
Мы мертвы, давно мертвы.
Смерть шатается на свете
И махает, словно плетью,
Уплетенной туго сетью
Возле каждой головы.

Хоть и даст она отсрочку —
Год, неделю или ночь,
Но поставит все же точку
И укатит в черной тачке,
Сотрясая в дикой скачке,
Из земного мира прочь.

Торопись дышать сильнее,
Жди – придет и твой черед.
Задыхайся, цепenea,
Ледenea перед нею.
Срок пройдет – подставишь шею, —
Ночь, неделя или год.

15 апреля 1897

«В поле не видно ни зги...»

В поле не видно ни зги.
Кто-то зовет: «Помоги!»
Что я могу?
Сам я и беден и мал,
Сам я смертельно устал,
Как помогу?

Кто-то зовет в тишине:
«Брат мой, приблизься ко мне!
Легче вдвоем.
Если не сможем идти,
Вместе умрем на пути,
Вместе умрем!»

18 мая 1897

«Ускользающей цели...»

Ускользающей цели
Обольщающий свет,
И ревнивой метели
Угрожающий бред...

Или время крылато?
Или сил нет во мне?
Все, чем жил я когда-то,
Словно было во сне.

Замыкаются двери,
И темнеет кругом,
И утраты, потери,
И бессильно умрем.

Истечение чую
Холодеющих сил,
И тоску вековую
Беспощадных могил.

15 июня 1897

«Придешь ли ты ко мне, далекий, тайный друг...»

Придешь ли ты ко мне, далекий, тайный друг?
Зову тебя давно. Бессонными мечтами
Давно замкнулся я в недостижимый круг, —
И только ты один, легчайшими руками
Ты разорвешь его, мой тайный, дальний друг.

Я жду, и жизнь моя темна, как смутный бред.
Толпятся чудища перед заветным кругом,
И мне грозят они, и затмевают свет,
И веют холодом, печалью да испугом.
Мне тяжело без тебя, вся жизнь моя как бред.

Сгорает день за днем, за ночью тлеет ночь, —
Мерцает впереди непостижимым светом
Гора, куда взойти давно уж мне невмочь.
О милый, тайный друг, поверь моим обетам
И посети меня в тоскующую ночь.

15 июня 1897

Утешающий свет

В темный час на иконы
Безнадежно гляжу,
И закрыты каноны,
И молитв не твержу.

Безобразны и дики
Впечатления дня.
Бестревожные лики,
Утешайте меня!

От бесстрастного взора
Прямо в душу мою
Я греха и позора
Никогда не таю.

Не от мира исходит
Утешающий свет,
И не к жизни приводит
Нерушимый завет.

Что мне мир. Он осудит
Иль хвалой оскорбит.
Темный путь мой пребудет
Нелюдим и сокрыт.

30 – 31 июля 1897

«Мелькающие годы...»

Мелькающие годы,
Томителен ваш лад,
Как поздней непогоды
Тоскующий наряд.

Протягивая руки,
С надеждою в глазах,
Несбыточной науки
Я ждал, в ночных путях, —

И чар полночных сила
Несла мне свой покой,
И сердце примирила
С безвыходной судьбой.

Но я, неблагодарный,
Уставший тайной жить,
С насмешкою коварной
Стал тайну поносить, —

И в мир полдневной скуки
Бежал поспешно я
От радостной науки
Ночного бытия.

И сердце взволновалось,
В огне внезапном кровь, —
Нежданная примчалась
Проказница — любовь.

Но крик ее веселый
Меня остановил,
И стан ее дебелий
Мечты мои убил.

Я робко отрекаюсь
От злых ее тревог
И быстро возвращаюсь
В полночный мой чертог.

15 августа 1897

«Час ночной отраден...»

Час ночной отраден
Для бесстрашного душой.
Воздух нежен и прохладен,
Темен мрак ночной.

Только звезд узоры
Да вдали кой-где огни
Различают смутно взоры.
Грусть моя, усни!

Вся обычность скрыта,
Тьмою смыты все черты.
Ночь – безмолвная защита
Мне от суеты.

Кто-то близко ходит,
Кто-то нежно стережет,
Чутких глаз с меня не сводит,
Но не подойдет.

16 августа 1897

«Полуночною порою...»

Полуночною порою
Я один с больной тоскою
Перед лампою моей.
Жизнь докучная забыта,
Плотно дверь моя закрыта, —
Что же слышно мне за ней?

Отчего она, шатаясь,
Чуть заметно открываясь,
Заскрипела на петлях?
Дверь моя, не открывайся!
Внешний холод, не врывайся!
Нестерпим мне этот страх.

Что мне делать? Заклинать ли?
Дверь рукою задержать ли?
Но слаба рука моя.
И уста дрожат от страха.
Так, воздвигнутый из праха,
Скоро прахом стану я.

18 – 20 августа 1897

«Под звучными волнами...»

Под звучными волнами
Полночной темноты
Далекими огнями
Колеблются мечты.
Мне снится, будто снова
Цветет любовь моя,
И счастья земного,
Как прежде, жажду я.
Но песней не бужу я
Красавицу мою,
И жажду поцелуя
Томительно таю.

Обвеянный прохладой
В немом ее саду
За низкою оградой
Тихохонько иду.
Глухих ищу тропинок,
Где травы проросли, —
Чтоб жалобы песчинок
До милой не дошли.
Движенья замедляю
И песни не пою,
Но сердцем призываю
Желанную мою.

И, сердцем сердце чуя,
Она выходит в сад.
Глаза ее, тоскуя,
Во тьму мою глядят.
В ночи ее бессонной
Внезапные мечты,
В косе незаплетенной
Запутались цветы.
Мне снится: перед нею
Безмолвно я стою,
Обнять ее не смею,
Таю любовь мою.

23 августа 1897

«Суровый друг, ты недоволен...»

Суровый друг, ты недоволен,
Что я грустна.
Ты молчалив, ты вечно болен, —
И я больна.

Но не хочу я быть счастливой,
Идти к другим.
С тобой мне жить в тоске пугливой,
С больным и злым.

Отвыкла я от жизни шумной
И от людей.
Мой взор горит тоской безумной,
Тоской твоей.

Перед тобой в немом томленьи
Сгораю я.
В твоём печальном заточеньи
Вся жизнь моя.

24 августа 1897

«Выйди в поле полночное...»

Выйди в поле полночное,
Там ты стань на урочное,
На зачатое место, —
Где с тоской распрощалась,
На осине качалась
Молодая невеста.

Призови погубителя,
Призови обольстителя,
И приветствуй прокуду, —
И спроси у проклятого
Не былого, не знатого, —
Быть добру или худу.

Опылит тебя топотом,
Оглушит тебя шепотом
И покатится с поля.
Слово довеку свяжется,
Без покрова покажется
Посуленная доля.

27 августа 1897

«Закрывая глаза, я целую тебя...»

Закрывая глаза, я целую тебя, —
Бестелесен и тих поцелуй.
Ты глядишь и молчишь, не губя, не любя,
В колыханьи тумана и струй.

Я плыву на ладье, — и луна надо мной
Подымает печальный свой лик;
Я плыву по реке, — и поник над рекой
Опечаленный чем-то тростник.

Ты неслышно сидишь, ты не двинешь рукой,
И во мгле, и в сиянии даль.
И не знаю я, долго ли быть мне с тобой,
И когда ты мне молвишь: «Причаль».

Этот призрачный лес на крутом берегу,
И поля, и улыбка твоя —
Бестелесное все. Я забыть не могу
Бесконечной тоски бытия.

28 августа 1897

«Не думай, что это березы...»

Не думай, что это березы,
Что это холодные скалы.
Все это – порочные души.

Печальны и смутны их думы,
И тягостна им неподвижность, —
И нам они чужды навеки;
И люди вовек не узнают
Заклятой и страшной их тайны.

И мудрому только провидцу
Открыто их темное горе
И тайна их скованной жизни.

29 августа 1897

«Забыты вино и веселье...»

Забыты вино и веселье,
Оставлены латы и меч, —
Один он идет в подземелье,
Лампады не хочет зажечь.

И дверь заскрипела протяжно, —
В нее не входили давно.
За дверью и темно, и влажно,
Высоко и узко окно.

Глаза привыкают во мраке, —
И вот выступают сквозь мглу
Какие-то странные знаки
На сводах, стенах и полу.

Он долго глядит на сплетенье
Непонятых знаков и ждет,
Что взорам его просветленье
Всезрящая смерть принесет.

8 сентября 1897

«Жаркое солнце по небу плывет...»

Жаркое солнце по небу плывет.
Ночи земля утомленная ждет.

В теле – истома, в душе – пустота,
Воля почила, и дремлет мечта.

Где моя гордость, где сила моя?
К низшим склоняюсь кругам бытия.

Силе таинственной дух мой предав,
Жизнью, подобной томлению трав,

Тихо живу, и неведомо мне,
Что созревает в моей глубине.

9 октября 1897

«Келья моя и тесна, и темна...»

Келья моя и тесна, и темна.
Только и свету, что свечка одна.

Полночи вещей я жду, чтоб гадания
Снова начать
И услышать
Злой моей доли вещания.

Олово, ложка да чаша с водой —
Всё на дощатом столе предо мной.

Олово в ложке над свечкой мерцающей
Я растоплю,
И усыплю
Страх, мое сердце смущающий.

Копоть покрыла всю ложку мою.
Талое олово в воду я лью.
Что же пророчит мне олово?
Кто-то стоит
И говорит:
«Взял же ты олова — злого, тяжелого!»

Острые камни усеяли путь,
Меч изостренный вонзился мне в грудь.

13 октября 1897

«Долог мой путь утомительный...»

Долог мой путь утомительный,
Мрак надо мной,
Слышу я чей-то пронзительный,
Жалобный вой.

Дышит он злыми укорами,
Горько зовет,
Но над немymi просторами
Друг не пройдет.

14 октября 1897

«О владычица смерть, я роптал на тебя...»

О владычица смерть, я роптал на тебя,
Что ты, злая, царишь, все земное губя.
И пришла ты ко мне, и в сиянии дня
На людские пути повела ты меня.

Увидал я людей в озареньи твоём,
Омраченных тоской, и бессильем, и злом.
И я понял, что зло под дыханьем твоим
Вместе с жизнью людей исчезает, как дым.

20 октября 1897

«Ты ко мне приходила не раз...»

Ты ко мне приходила не раз
То в вечерний, то в утренний час
И всегда утешала меня.
Ты мою отгоняла печаль
И вела меня в ясную даль,
Тишиной и мечтой осеня.

И мы шли по широким полям,
И цветы улыбались нам,
И, смеясь, лепетала волна,
Что вокруг нас – потерянный рай,
Что я – светлый и радостный май
И что ты – молодая весна.

14 декабря 1897

«Не стоит ли кто за углом...»

Не стоит ли кто за углом?
Не глядит ли кто на меня?
Посмотреть не смею кругом,
И зажечь не смею огня.

Вот подходит кто-то впотьмах,
Но не слышны злые шаги.
О, зачем томительный страх?
И к кому воззвать: помощи?

Не поможет, знаю, никто,
Да и чем и как же помочь?
Предо мной темнеет ничто,
Ужасает мрачная ночь.

18 декабря 1897

«Не могу собрать...»

Не могу собрать,
Не могу связать, —

Или руки бессильны?
Или стебли тонки?
Как тропы мои пыльны!
Как слова не звонки!

И чего искать?
И куда идти?
Не могу понять,
Не могу найти.

20 декабря !897

«Я лесом шел. Дремали ели...»

Я лесом шел. Дремали ели,
Был тощ и бледен редкий мох, —
Мой друг далекий, неужели
Я слышал твой печальный вздох?

И это ты передо мною
Прошел, безмолвный нелюдим,
Завороженный тишиною
И вечным сумраком лесным?

Я посмотрел, — ты оглянулся,
Но промолчал, махнул рукой, —
Прошло мгновенье, — лес качнулся, —
И нет тебя передо мной.

Вокруг меня дремали ели,
Был тощ и бледен редкий мох,
Да сучья палые желтели,
Да бурелом торчал и сох.

20-21 декабря 1897

«На нем изношенный кафтан...»

На нем изношенный кафтан
И шапка колпаком,
Но весь он зыбкий, как туман,
И нет лица на нем.

Не слышно голоса его,
Не видно рук и ног,
И он ступить ни у кого
Не смеет на порог.

Не подойдет и не пройдет
Открыто впереди, —
Он за углом в потемках ждет,
Бежит он позади.

Его никак не отогнать,
Ни словом, ни рукой.
Он будет прыгать да плясать
Беззвучно за спиной.

21 декабря 1897

«Белая тьма созидает предметы...»

Белая тьма созидает предметы
И обольщает меня.
Жадно ищу я душою просветы
В область нетленного дня.

Кто же внесет в заточенье земное
Светоч, пугающий тьму?
Скоро ль бессмертное, сердцу родное
В свете его я пойму?

Или навек нерушима преграда
Белой, обманчивой тьмы,
И бесконечно томиться мне надо,
И не уйти из тюрьмы?

21 декабря 1897

«Отвори свою дверь...»

Отвори свою дверь
И ограду кругом обойди.
Неспокойно теперь, —
Не ложись, не засни, подожди.

Может быть, в эту ночь
И тебя позовет кто-нибудь.
Поспешишь ли помочь?
И пойдешь ли в неведомый путь?

Да и можно ли спать?
Ты подумай: во тьме, за стеной
Станет кто-нибудь звать,
Одинокий, усталый, больной.

Выходи к воротам
И фонарь пред собою неси.
Хоть бы сгинул ты сам,
Но того, кто взывает, спаси.

30 декабря 1897

«Не понимаю, отчего...»

Не понимаю, отчего
В природе мертвенной и скудной
Встает какой-то властью чудной
Единой жизни торжество.

Я вижу вечную природу
Под неизбежной властью сил, —
Но кто же в бытие вложил
И вдохновенье и свободу?

И в этот краткий срок земной,
Из вещества сложась земного,
Как мог обрести я мысль и слово
И мир создать себе живой?

Окрест меня всё жизнью дышит,
В моей реке шумит волна,
И для меня и полях весна
Благоухания колышет.

Но не понять мне, отчего
В природе мертвенной и скудной
Воссоздается властью чудной
Духовнои жизни торжество.

7 января 1898

«Чернеет лес по берегам...»

Чернеет лес по берегам.
Один сижу я в челноке,
И к неизвестным берегам
Я устремляюсь по реке.

На небе ясная луна,
А на реке туман встает.
Сияет ясная луна,
И кто-то за лесом поет.

О ночь, единственная ночь!
Успокоительная сень!
Как пережить мне эту ночь?
К чему мне свет? К чему мне день?

29 января 1898 Миракс

«Идти б дорогою свободной...»

Идти б дорогою свободной, —
Да лих, нельзя.
Мой путь лежит в степи холодной,
Иду, скользя.

Вокруг простор, никто не держит,
И нет оков,
И божий гнев с небес не вержет
Своих громов.

Но светлый край далек отсюда,
И где же он?
Его приблизит только чудо
Иль вещий сон.

Он мне, как счастье, неведом;
Меня ведет
Моя судьба звериным следом
Среди болот.

20 августа 1897, 20 марта 1898

«Передрассветный сумрак долог...»

Передрассветный сумрак долог,
И холод утренний жесток.
Заря, заря, раскинь свой полог,
Зажги надеждами восток.

Кто не устал, кто сердцем молод,
Тому легко перенести
Передрассветный долгий холод
В истоме раннего пути.

Но кто сжимает пыльный посох
Сухою старческой рукой,
Тому какая сладость в росах,
Завороженных тишиной!

11 ноября 1894, 4 апреля 1898

«Я иду от дома к дому...»

Я иду от дома к дому,
Я у всех стучусь дверей.
Братя, страннику больному,
Отворите мне скорей.

Я устал блуждать без крова,
В ночь холодную дрожать
И тоску пережитого
Только ветру поверять.

Не держите у порога,
Отворите кто-нибудь,
Дайте, дайте хоть немного
От скитаний отдохнуть.

Знаю песен я немало, —
Я всю ночь готов не спать.
Не корите, что устало
Будет голос мой звучать,

Но калитки не отворят
Для певца ни у кого.
Только ветры воем вторят
Тихим жалобам его.

23 декабря 1897, 10 июня 1898

«Под кустами...»

Под кустами
Снег лежит,
Весь истаял
И сквозит.

Вот подснежник
Под ольхой, —
Он в одежде
Голубой.

Для чего ж он
Так спешит?
Что тревожит?
Что томит?

19 июня 1898 Миракс

«Иди в толпу с приветливою речью...»

Иди в толпу с приветливою речью
И лицемерь.
На опыте всю душу человеческую
До дна измерь.

Она узка, темна и несвободна,
Как темный склеп,
И тот, кто час провел в ней неисходно,
Навек ослеп.

И ты поймешь, какое врачеванье
В окно глядеть
Из тьмы души на птичье ликование
И сметь, и петь.

29 июля 1898

«Есть соответствия во всем...»

Есть соответствия во всем, —
Не тщетно простираем руки:
В ответ на счастье и на муки
И смех и слезы мы найдем.

И если жаждем утешенья,
Бежим далеко от людей.
Среди лесов, среди полей —
Покой, безмыслие, забвенье.

Ветвями ветер шелестит,
Трава травую так и пахнет.
Никто в изгнании не чахнет,
Не презирает и не мстит.

Так, доверяясь природе,
Наперекор судьбе, во всем
Мы соответствия найдем
Своей душе, своей свободе.

2 августа 1898 За Гатчиной

«Если б я был к счастью приневолен...»

Если б я был к счастью приневолен,
Если б я был негой опьянен,
Был бы я, как цвет тепличный, болен
И страстями безумными спален.

Но легко мне: я живу печален,
Я суровой скорби в жертву дан.
Никаким желаньем не ужален,
Ни в какой не вдамся я обман.

И до дня, когда безмолвной тенью
Буду я навеки осенен,
Жизнь моя, всемирному томленью
Ты подобна, легкая, как сон.

2 августа 1898 За Гатчиной

Окно ночное

Весь дом покоен, и лишь одно
Окно ночное озарено.

То не лампадный отрадный свет:
Там нет отрады, и сна там нет.

Больной, быть может, проснулся вдруг,
И снова гложет его недуг.

Или, разлуке обречена,
В жестоких муках не спит жена.

Иль, смерть по воле готов призвать,
Бедняк бездольный не смеет спать.

Над милым прахом, быть может, мять
В тоске и страхе пришла рыдать.

Иль скорбь иная зажгла огни.
О злая, злая! к чему они?

3 августа 1898

«В его саду растет рябина...»

В его саду растет рябина.
В его дому живет кручина.
На нем изношенный кафтан.
Глаза окутаны туманом,
Как будто налито шафраном
Лицо, и согнут тощий стан.

Надежда милая убита,
И что от бед ему защита?
Терпеть судьба ему велит.
Перед его печальной хатой,
Враждебной властью закланной,
Рябина горькая стоит.

4 августа 1898

«О сердце, сердце! Позабыть...»

О сердце, сердце! позабыть
Пора надменные мечты
И в безнадежной доле жить
Без торжества, без красоты,

Молчаньем верным отвечать
На каждый звук, на каждый зов,
И ничего не ожидать
Ни от друзей, ни от врагов.

Суров завет, но хочет бог,
Чтобы такую жизнь была
Среди медлительных тревог,
Среди томительного зла.

5 августа 1898

«Давно стараюсь, и напрасно...»

Давно стараюсь, и напрасно,
Поработить себя уму.
Смиряться сердце не согласно,
Нет утolenия ему.

А было время, – простодушно,
Хоть и нелепо, жизнь текла,
И сердцу вольному послушна
Мысль раболепная была.

Ты в тайне зрела, возрастала,
Ты извивалась, как змея, —
О мысль моя, ты побывала
На всех просторах бытия.

И чем меня ты обольстила?
К чему меня ты увлекла?
Ты ничего мне не открыла
И много, много отняла.

Восходит солнце, как и прежде,
И светит нежная луна,
И обаятельной надежде
Душа бессмертная верна.

И ясен путь мне, путь мой правый,
Я не могу с него свернуть, —
Но неустанно ум лукавый
Хулит единый правый путь.

О, если б бурным дуновеньем
Его коварство разнесло
И всепобедным вдохновеньем
Грозу внезапную загло!

О, если б огненные крылья!
О, если б в буйстве бытия,
Шипя от злобы и бессилья,
Сгорела хитрая змея!

10 июня – 14 августа 1898

«Узкие мглистые дали...»

Узкие мглистые дали.
Камни везде, и дома.
Как мне уйти от печали?
Город мне – точно тюрьма.

Кто же заклятью неволи
Скучные стены обрек?
Снова ль метаться от боли?
Славить ли скудный порок?

Ждать ли? Но сердце устало
Горько томиться и ждать.
То, что когда-то пылало,
Может ли снова пылать?

15 августа 1898

«Печальный дар анахорета...»

Печальный дар анахорета,
С гробниц увядшие цветы,
Уединенного поэта
Неразделенные мечты.

Иных сокровищ не имею
И никогда не соберу.
Судьбе противиться не смею,
Аскетом нищим и умру.

16 августа 1898

«Холод повеял в окно...»

Холод повеял в окно —
И затворилось оно.

Снова один я, и в мире живом,
И не обманут промчавшимся сном.

Снова я грустен и нем.
Где же мой кроткий Эдем?

Пестрым узором напрасно дразня,
Темные стены глядят на меня.

Скучная лампа горит.
Скучная книга лежит.

22 августа 1898

«Язычница! Как можно сочетать...»

Язычница! Как можно сочетать
Твою любовь с моею верой?
Ты хочешь красным полымем пылать,
А мне – золой томиться серой.

Ищи себе языческой души,
Такой же пламенной и бурной, —
И двух огней широкие ковши
Одной скуются яркой урной.

22 августа 1898

«Мечты о славе! Но зачем...»

Мечты о славе! Но зачем
Кумир мне бронзовый иль медный,
Когда я в жизни робко-нем,
Когда я в жизни странник бледный?

На шумных улицах, где я
Иду, печальный и усталый,
Свершать в пределах жития
Мой труд незнаемый и малый,

На перекрестке, где-нибудь,
Мое поставят изваянье,
Чтоб опорочить скорбный путь
И развенчать мое изгнание.

О, суета! о, бедный дух!
Честолюбивое мечтанье!
Враждебно-чуждых жизней двух
Столь незаконное слиянье!

Я отрекаюсь наперед
От похвалы, от злой отравы,
Не потому, что смерть взойдет
Предтечею ненужной славы,

А потому, что в мире нет
Моим мечтам достойной цели,
И только ты, нездешний свет,
Чаруешь сердце с колыбели.

23 августа 1898

«Не поверь лукавой лжи...»

Не поверь лукавой лжи,
Не тужи, не ворожи,
Покоряйся.
Что пропало, не вернешь,
Ждешь чего, то, верно, ложь,
Не прельщайся.
Краток праздник бытия.
Жизнь твоя и не твоя, —
Наслаждайся.

28 августа 1898

«Мы людей не продаем...»

Мы людей не продаем
За наличные,
Но мы цепи им куем,
Всё приличные, —

И не сами, а нужда, —
Цепи прочные,
Ну а сами мы всегда
Непорочные.

23 августа 1898

«Скучная лампа моя зажжена...»

Скучная лампа моя зажжена,
Снова глаза мои мучит она.

Господи, если я раб,
Если я беден и слаб,

Если мне вечно за этим столом
Скучным и скудным томиться трудом,

Дай мне в одну только ночь
Слабость мою превозмочь

И в совершенном созданыи одном
Чистым навеки зажечься огнем.

26 августа 1898

«Вот минута прощальная...»

Вот минута прощальная
До последнего дня...
Для того ли, печальная,
Ты любила меня?

Для того ли украдкою,
При холодной луне,
Ты походкою шаткою
Приходила ко мне?

Для того ли скиталася
Ты повсюду за мной,
И ночей дожидалася
С их немой тишиной?

И опять, светлоокая,
Ты бледна и грустна,
Как луна одинокая,
Как больная луна.

27 августа 1893

«Надо мною, как облако...»

Надо мною, как облако
Над вершиной горы,
Ты пройдешь, словно облако
Над вершиной горы.

В многоцветном сиянии,
В обаяньи святом,
Ты промчишься в сиянии,
В обаяньи святом.

Стану долго, безрадостный,
За тобою глядеть, —
Утомленный, безрадостный,
За тобою глядеть,

Тосковать и печалиться,
Безнадежно грустить,
О далеком печалиться,
О бесследном грустить.

28 августа 1898

«На улицах пусто и тихо...»

На улицах пусто и тихо,
И окна, и двери закрыты.
Со мною – безумное Лихо,
И нет от него мне защиты.

Оградой железной и медной
Замкнулся от нищих богатый.
Я – странник унылый и бледный,
А Лихо – мой верный вожатый.

И с ним я расстаться не смею.
На улицах пусто и тихо.
Пойдем же дорогой своею,
Косматое, дикое Лихо!

29 августа 1898

Огненный мак

В черном колышется мраке
Огненный мак.
Кто-то проходит во мраке,
Держит пылающий мак.

Близко ли он иль далеко,
Тихий маяк?
Близко ль ко мне иль далеко
Зыблется красный маяк?

В черном колеблется мраке
Огненный мак.
Господи, дай мне во мраке
Этот спасительный мак.

30 августа 1898

«Ночь настанет, и опять...»

Ночь настанет, и опять
Ты придешь ко мне тайком,
Чтоб со мною помечтать
О нездешнем, о святом.

И опять я буду знать,
Что со мной ты, потому,
Что ты станешь колыхать
Предо мною свет и тьму.

Буду спать или не спать,
Буду помнить или нет, —
Станет радостно сиять
Для меня нездешний свет.

1 сентября 1898

«Камыш качается...»

Камыш качается,
И шелестит,
И улыбается,
И говорит
Молвой незвонкою,
Глухой, сухой,
С дремою тонкою
В полдневный зной.

Едва колышется
В реке волна,
И сладко дышится,
И тишина,
И кто-то радостный
Несет мне весть,
Что подвиг сладостный
И светлый есть.

На небе чистая
Моя звезда
Зажглась, лучистая,
Горит всегда,

И сны чудесные
На той звезде,
И сны небесные
Со мной везде.

12 сентября 1898

Другу неведомому

О друг мой тайный,
Приди ко мне
В мечте случайной
И в тишине.

В мою пустыню
Сойди на миг,
Чтоб я святыню
Твою постиг.

В бездушном прахе
Моих путей,
В тоске да в страхе
Безумных дней,

В одежде пыльной,
Сухой тропой
Иду, бессильный,
Едва живой.

Но весь жестокий
Забуду путь,
Лишь ты, далекий,
Со мной побудь.

Явись мне снова
В недолгом сне,
И только слово
Промолви мне.

18 сентября 1898

«Друг мой тихий, друг мой дальный...»

Друг мой тихий, друг мой дальный,
Посмотри, —
Я холодный и печальный
Свет зари.

Я напрасно ожидаю
Божества, —
В бледной жизни я не знаю
Торжества.

Над землею скоро встанет
Ясный день,
И в немую бездну канет
Злая тень, —

И безмолвный, и печальный,
Поутру,
Друг мой тайный, друг мой дальный,
Я умру

14 сентября 1898

«Томленья злого...»

Томленья злого
На сердце тень, —
Восходит снова
Постылый день,
Моя лампада
Погасла вновь,
И где отрада?
И где любовь?

Рабом недужным
Пойду опять
В труде ненужном
Изнемогать.
Ожесточенье
Проснется вновь,
И где терпенье?
И где любовь?

16 сентября 1898

«Угас дневной надменный свет...»

Угас дневной надменный свет,
Угомонились злые шумы, —
И наступает ваш рассвет,
Благие творческие думы.

Темнее сумрак за окном,
Светлее кроткая лампада.
В уединении ночном
Успокоение, отрада.

Преображается в мечтах
Дневное горькое томленье,
И все, что было злость и страх,
Теперь смиренное моление.

Благоухая и звеня,
Восходит к божьему престолу,
А тени суетного дня,
Скользя, бледнея, никнут долу.

16 сентября 1898

«Я напрасно хочу не любить...»

Я напрасно хочу не любить, —
И, природе покорствуя страстной,
Не могу не любить,
Не томиться мечтою напрасной.

Чуть могу любоваться тобой
И сказать тебе слова не смею,
Но расстаться с тобой
Не хочу, не могу, не умею.

А настанут жестокие дни,
Ты уйдешь от меня без возврата.
О, зачем же вы, дни!
За утратой иная утрата.

16 сентября 1898

Звезда Маир

1 «Звезда Маир сияет надо мною...»

Звезда Маир сияет надо мною,
Звезда Маир,
И озарен прекрасною звездою
Далекий мир.

Земля Ойле плывет в волнах эфира,
Земля Ойле,
И ясен свет блистающий Маира
На той земле.

Река Лигой в стране любви и мира,
Река Лигой
Колеблет тихо ясный лик Маира
Своей волной.

Бряцанье лир, цветов благоуханье,
Бряцанье лир
И песни жен слились в одно дыханье,
Хваля Маир,

15 сентября 1898

2 «На Ойле далекой и прекрасной...»

На Ойле далекой и прекрасной
Вся любовь и вся душа моя.
На Ойле далекой и прекрасной
Песней спадкогласной и согласной
Славит все блаженство бытия.

Там, в сияньи ясного Маира,
Все цветет, все радостно поет.
Там, в сияньи ясного Маира,
В колыханьи светлого эфира,
Мир иной таинственно живет.

Тихий берег синего Лигоя
Весь в цветах нездешней красоты.
Тихий берег синего Лигоя —
Вечный мир блаженства и покоя,
Вечный мир свершившейся мечты.

22 сентября 1898

3 «Всё, чего нам здесь не доставало...»

Всё, чего нам здесь не доставало,
Всё, о чем тужила грешная земля,
Расцвело на вас и засияло,
О Лигойские блаженные поля!

Мир земной вражда заполонила,
Бедный мир земной в унынье погружен,
Нам отрадна тихая могила
И подобный смерти, долгий, темный сон.

Но Лигой струится и трепещет,
И благоухают чудные цветы,
И Маир безгрешный тихо блещет
Над блаженным краем вечной красоты.

23 сентября 1898

4 «Мой прах истлеет понемногу...»

Мой прах истлеет понемногу,
Истлеет он в сырой земле,
А я меж звезд найду дорогу
К иной стране, к моей Ойле.

Я все земное позабуду,
И там я буду не чужой, —
Доверюсь я иному чуду,
Как обычаю земной.

22 сентября 1898

5 «Мы скоро с тобою...»

Мы скоро с тобою
Умрем на земле, —
Мы вместе с тобою
Уйдем на Ойле.

Под ясным Маиром
Узнаем мы вновь,
Под светлым Маиром
Святую любовь.

И всё, что скрывает
Ревниво наш мир,
Что солнце скрывает,
Покажет Маир.

22 сентября 1898

6 «Бесстрастен свет с Маира...»

Бесстрастен свет с Маира,
Безгрешен взор у жен, —
В сиянии с Маира
Великий праздник мира
Отрадой окружен.

Далекая отрада
Близка душе моей, —
Ойле, твоя отрада —
Незримая ограда
От суетных страстей.

10 января 1901

«В глубокий час молчания ночного...»

В глубокий час молчания ночного
Тебе я слово тайное шепну.
Тогда закрой глаза, и снова
Увидишь ты мою страну.

Доверься мне опять, иди за мною,
На здешний мир не подымая глаз,
Пока, объятый тихой мглою,
Полночный светоч не угас, —

И всё, о чем душа моя томится,
И для чего не надо слез и слов,
Перед тобою загорится
В ночной стране безмолвных снов.

24 сентября 1898

«О, жизнь моя без хлеба...»

О, жизнь моя без хлеба,
Зато и без тревог!
Иду. Смеется небо,
Ликует в небе бог.
Иду в широком поле,
В уныньи темных рощ,
На всей на вольной воле,
Хоть бледен я и тощ.
Цветут, благоухают
Кругом цветы в полях,
И тучки тихо тают
На ясных небесах.
Хоть мне ничто не мило,
Все душу веселит.
Близка моя могила,
Но это не страшит.
Иду. Смеется небо,
Ликует в небе бог.
О, жизнь мол без хлеба,
Зато и без тревог!

26 сентября 1898

«Дни за днями...»

Дни за днями...
Боже мой!
Для чего же
Я живой?

Дни за днями...
Меркнет свет.
Отчего ж я
Не отпет?

Дни за днями...
Что за стыд!
Отчего ж я
Не зарыт?

Поп с кадилом,
Ты-то что ж
Над могилой
Не поешь?

Что же душу
Не влачат
Злые черти
В черный ад?

26 сентября 1898

«Вереницы мечтаний порочных...»

Вереницы мечтаний порочных
Озарили гнилые темницы:
В озарении свеч полуночных
Обнаженные пляшут блудницы,

И в гремящем смятении трубном,
С несказанным бесстыдством во взгляде,
Потрясает сверкающим бубном
Скоморох в лоскуточном наряде.

Высоко поднимая колени,
Безобразные лешие лают,
И не ищут скрывающей тени,
И блудниц опьянелых ласкают.

И, внимая нестройному вою,
Исхудалые узники плачут,
И колотятся в дверь головою,
И визжат, и хохочут, и скачут.

26 сентября 1898

«Он шел путем зеленым...»

Он шел путем зеленым
В неведомую даль.
За ним, с протяжным стоном,
Влеклась его печаль,
Цеплялась за одежду,
Хотела удержать,
Последнюю надежду
Старалась отогнать,

Но тихие лампы
Архангелы зажгли,
Суля ему отрады
В неведомой дали, —
И нежное дыханье
В безрадостную тьму
Блаженное мечтанье
Навевало ему.

27 сентября 1898

«Чиста любовь моя...»

Чиста любовь моя,
Как ясных звезд мерцанье,
Как плеск нагорного ручья,
Как белых роз благоуханье.

Люблю одну тебя,
Неведомая дева,
Невинной страсти не губя
Позором ревности и гнева.

И знаю я, что здесь
Не быть с тобою встрече:
Твоя украшенная весь
От здешних темных мест далече.

А мой удел земной —
В томленьях и скитаньях,
И только нежный голос твой
Ко мне доносится в мечтаньях.

29 сентября 1898

«Забыв о родине своей...»

Забыв о родине своей,
Мы торжествуем новоселье, —
Какое буйное веселье!
Какое пиршество страстей!

Но всё проходит, гаснут страсти,
Скучна веселость наконец;
Седин серебряный венец
Носить иль снять не в нашей власти.

Всё чаще станем повторять
Судьбе и жизни укоризны,
И тихий мир своей отчизны
Нам всё отрадней вспоминать.

30 сентября 1898

«Ты незаметно проходила...»

Ты незаметно проходила,
Ты не сияла и не жгла.
Как незажженное кадило,
Благоухать ты не могла.

Твои глаза не выражали
Ни вдохновенья, ни печали,
Молчали бледные уста,
И от людей ты хоронилась,
И от речей людских таилась
Твоя безгрешная мечта.

Конец пришел земным скитаньям,
На смертный путь вступила ты
И засияла предвещаньем
Иной, нездешней красоты.

Глаза восторгом загорелись,
Уста безмолвные зарделись,
Как ясный светоч, ты зажглась,
И, как восходит ладан синий,
Твоя молитва над пустыней,
Благоухая, вознеслась.

1 октября 1898

«Опять сияние в лампаде...»

Опять сияние в лампаде,
Но не могу склонить колен.
Ликует бог в надзвездном граде,
А мой удел – унылый плен.

С иконы темной безучастно
Глаза суровые глядят.
Открыт молитвенник напрасно:
Молитвы древние молчат, —

И пожелтые страницы,
Заветы строгие храня,
Как безнадежные гробницы,
Уже не смотрят на меня.

1 октября 1898

«Пришли уставленные сроки...»

Пришли уставленные сроки,
И снова я, как раб, иду
Свершать ненужные уроки,
Плодить пустую меледу.

Потом унылый вечер будет,
И как мне милый труд свершить,
Когда мечты мои остудит
Все, что придется пережить!

Потом полночные печали
Придут с безумною тоской,
И развернут немые дали,
Где безнадежность и покой.

2 октября 1898

«Громадный живот...»

Громадный живот,
Искаженное злобой лицо,
Окровавленный рот,
А в носу – золотое кольцо.

Уродлив и наг,
И вся кожа на теле черна, —
Он кудесник и враг,
И свирепость его голодна.

На широком столбе
Он сидит, глядит на меня
И твердит о судьбе,
Золотое копьё наклоня.

»Сразить не могу, —
Говорит, – не пришел еще срок,
Я тебя стерегу,
Не уйдешь от меня: я жесток.

Копье подыму,
Поражу тебя быстрым копьем
И добычу возьму
В мой костями изукрашенный дом».

2 октября 1898

«Если трудно мне жить, если больно дышать...»

Если трудно мне жить, если больно дышать,
Я в пустыню иду – о тебе помечтать,
О тебе рассказать перелетным ветрам,
О тебе погадать по лесным голосам.

Я позвал бы тебя, – не умею назвать;
За тобой бы послал, – да не смею послать;
Я пошел бы к тебе, – да не знаю пути;
А и знал бы я путь, – так боялся б идти.

Я холодной тропой одиноко иду,
Я земное забыл и сокрытого жду, —
И безмолвная смерть поцелует меня,
И к тебе уведет, тишиной осеня.

3 октября 1898

«Затхлый запах старых книг...»

Затхлый запах старых книг
Оживил в душе бывшее,
В злой тоске пережитое,
В тихом звяканьи вериг,

Дни, когда, смиренный инок,
В келье тесной, близ икон,
Я молился, окружен
Тучей пляшущих пылинок,

И славянскую печать,
Прихотливые узоры,
Отуманенные взоры
Ухищрялись разбирать.

5 октября 1898

«Ветер в трубе...»

Ветер в трубе
Воет о чьей-то судьбе,
Жалобно стонет,
Словно кого-то хоронит.

«Бедные дети в лесу!
Кто им укажет дорогу?
Жалобный плач понесу
Тихо к родному порогу,

Ставнями стукну слегка,
Сам под окошком завою, —
Только немая тоска
К ним заберется со мною.

Им непонятен мой зов.
Дети, обнявшись, заплачут.
Очи голодных волков
Между дерев замаячут».

Ветер в трубе
Плачет о чьей-то судьбе,
Жалобно стонет,
Словно кого-то хоронит.

6 октября 1898

«Ты ничего не говорила...»

Ты ничего не говорила, —
Но уж и то мне был укор.
К смиренным травам ты склонила
Твое лицо и кроткий взор.

И от меня ушла неспешно,
Вдыхая слабый запах трав.
Твоя печаль была безгрешна,
И тихий путь твой не лукав.

8 октября 1898

Голос из публики

Сочиняй ты, как другие,
Я б стихи читал такие,
Всё приятное любя.
Что ж ты пишешь? О невесте,
О любви, вражде и мести
Мало речи у тебя.

Всё бесстрастные иконы,
Покаянные каноны
Да в лампадках слабый свет,
А потом туман, болото,
Угрожающее что-то, —
Сон бессвязный, смутный бред,

Коли гонишься за славой,
Декадентскою отравой
Ты людей не угощай,
Но пиши стихи про бедных,
Иль касайся тем безвредных,
И понятно сочиняй.

8 – 9 октября 1898

«Слабеют силы...»

Слабеют силы,
Трудней идти,
Но не унылы
Мои пути.

Длиннее ночи,
Темнее дни.
Мечта, мне в очи
Взгляни, блесни.

Грозится злоба,
Но страха нет,
С мечтой мы оба, —
Отраден свет.

18 октября 1898

«Цветик белоснежный...»

Цветик белоснежный
У тропы тележной
Вырос в месте незнакомом.
Ты, мой друг, простился с домом,
Ты ушел далече, —
Суждена ль нам встреча?

Цветик нежный, синий
Над немой пустыней
Вырос в месте незнакомом.
Ты, мой друг, расстался с домом,
От тебя хоть слово
Я услышу ль снова?

13 октября 1898

«Для чего в пустыне дикой...»

Для чего в пустыне дикой
Ты возник, мой вешний цвет?
Безнадежностью великой
Беспощадный веет свет.

Нестерпимым дышит жаром
Лютый змей на небесах.
Покоряясь ярим чарам,
Мир дрожит в его лучах.

Милый цвет, ты стебель клонишь,
Ты грустишь, ты одинок, —
Скоро венчик ты уронишь
На сухой и злой песок.

Для чего среди пустыни
Ты возник, мой вешний цвет,
Если в мире нет святыни
И надежды в небе нет.

17 октября 1898

«День туманный...»

День туманный
Настает,
Мой желанный
Не идет.
Мгла вокруг.
На пороге
Я стою,
Вся в тревоге,
И пою.
Где ж мой друг?

Холод веет,
Сад мой пуст,
Сиротеет
Каждый куст.
Скучно мне,
Распрощался
Ты легко
И умчался
Далеко
На коне.

По дороге
Я гляжу,
Вся в тревоге,
Вся дрожу, —
Милый мой!
Долго стану
Слезы лить,
В сердце рану
Беречь, —
Бог с тобой!

20 октября 1898

«Полуночная жизнь расцвела...»

Полуночная жизнь расцвела,
На столе заалели цветы.
Я ль виновник твоей красоты,
Иль собою ты так весела?

В озарении бледных огней
Полуночная жизнь расцвела.
Для меня ль ты опять ожила,
Или я – только данник ночей?

Я ль тебя из темницы исторг
В озарение бледных огней?
Иль томленья томительных дней —
Только дань за недолгий восторг?

4 декабря 1898

«Дни безрадостно-пустынны...»

Дни безрадостно-пустынны,
Верный спутник мой – тоска,
И она и я невинны,
Что свобода далека.

Для меня закон – смирение,
Удаление от борьбы
И безмолвное терпение
В испытаниях судьбы.

Жизнь моя над суетою
Вознеслась, земле чужда,
Предначертанной стезею,
Непорочная звезда.

20 декабря 1898

«Поет печальный голос...»

Поет печальный голос
Про тишину ночную,
Глядит небесный лебедь
На лилию земную.

На ней роса мерцает
От четырех озер.
В лазоревое море
Она подьмет взор.

Поет печальный голос
О чем-то непонятном.
Пред смертью ль горний лебедь,
В пути ли невозвратном?

Она в печали нежной,
Она как снег бела,
Ее волна колышет,
Ее лелеет мгла.

22 – 23 декабря 1898

«Не надейся на силу чудесную...»

Не надейся на силу чудесную
Призорочной черты, —
Покорила я ширь поднебесную,
Одолеешь ли ты?

Я широко раскрою объятия,
Я весь мир обниму, —
Заговоры твои и заклания
Ни на что, ни к чему.

Укажу я зловещему ворону
Над тобою полет.
Новый месяц по левую сторону, —
Ты увидишь, — взойдет.

На пути твоём вихри полдневные
Закручу, заверчу;
Лихорадки и недуги гневные
На тебя нашепчу.

Всё покрою заразою смрадною,
Что приветишь, любя,
И тоской гробовой, беспощадною
Иссушу я тебя.

И ко мне ты покорно преклонишься,
Призывая меня,
И в объятиях моих ты схоронишься
От постылого дня.

24 декабря 1898

«Суровый звук моих стихов...»

Суровый звук моих стихов —
Печальный отзвук дальной речи.
Не ты ль мои склоняешь плечи,
О вдохновенье горьких слов?

Во мгле почиет день туманный,
Воздвигся мир вокруг стеной,
И нет пути передо мной
К стране, вотще обетованной,

И только звук, неясный звук
Порой доносится оттуда,
Но в долгом ожиданьи чуда
Забыть ли горечь долгих мук!

6 января 1899

«В дневных лучах и в сонной мгле...»

В дневных лучах и в сонной мгле,
В моей траве, в моей земле,
В моих кустах я схоронил
Мечты о жизни, клады сил,
И окружился я стеной,
Мой свет померк передо мной,
И я забыл, давно забыл,
Где притаились клады сил.

Порой, взобравшись по стене,
Сажу печально на окне, —
И силы спят в земле сырой,
Под неподвижною травой.
Как пробудить их? Как воззвать?
Иль им вовеки мирно спать,
А мне холодной тишиной
Томиться вечно за стеной?

6 января 1899

«Невеста тихая приходит...»

Невеста тихая приходит.
Какие белые цветы!
Кого она с собой приводит?
О чем в очах ее мечты?

Она сложила странно руки,
Она склонила взор к земле.
Ее весна – заря разлуки,
Ее пути лежат во мгле.

Идет в святом благоуханьи,
Колебля белую фату
И в угасающем дыханьи
Струя холодную мечту.

20 марта 1899

«Недотыкомка серая...»

Недотыкомка серая
Всё вокруг меня вьется да вертится, —
То не Лихо ль со мною очертится
Во единый погибельный круг?

Недотыкомка серая
Истомила коварной улыбкою,
Истомила присядкою зыбкою, —
Помоги мне, таинственный друг!

Недотыкомку серую
Отгони ты волшебными чарами,
Или наотмашь, что ли, ударами,
Или словом заветным каким.

Недотыкомку серую
Хоть со мной умертви ты, ехидную,
Чтоб она хоть в тоску панихидную
Не ругалась над прахом моим.

1 октября 1899

«Давно мне голос твой невнятен...»

Давно мне голос твой невнятен,
И образ твой в мечтах поблек.
Или приход твой не возвратен
И я навеки одинок?

И был ли ты в моей пустыне,
Иль призрак лживый, мой же сон,
В укор несправедливой гордыне
Врагом безликим вознесен?

Кто б ни был ты, явись мне снова,
Затми томительные дни,
И мрак безумия земного
Хоть перед смертью осени.

12 октября 1899

«Я томился в чарах лунных...»

Я томился в чарах лунных,
Были ясны лики дивных дев,
И звучал на гусях златострунный
Сладостный напев.

В тишине замороженной
От подножья недоступных гор
Простирался светлый и бессонный,
Но немой простор.

К вещей тайне несказанной
Звал печальный и холодный свет,
И струился вдаль благоуханный,
Радостный завет.

16 ноября 1899

«Рассвет полусонный, я очи открыл...»

Рассвет полусонный, я очи открыл,
Но нет во мне воли, и нет во мне сил.

И душны покровы, и скучно лежать,
Но свет мой не хочет в окне засиять.

Докучная лампа, тебя ли зажечь,
Чтоб взоры направить на мертвую речь?

Иль грешной мечтою себя веселить,
Приникнуть к подушке и все позабыть?

Рассвет полусонный, я бледен и хил,
И нет во мне воли, и нет во мне сил.

21 ноября 1899

«Иду в смятеньи чрезвычайном...»

Иду в смятеньи чрезвычайном,
И, созерцая даль мою,
Я в неожиданном, в случайном
Свои порывы узнаю.

Я снова слит с моей природой,
Хотя доселе не решил,
Стремлюсь ли я своей свободой
Или игрой мне чуждых сил.

Но что за гранью жизни краткой
Меня ни встретит, — жизнь моя
Горит одной молитвой сладкой,
Одним дыханьем бытия.

21 ноября 1899

«От курослепов на полях...»

От курослепов на полях
До ярко-знойного светила
В движеньях, звуках и цветах
Царит зиждительная сила.

Как мне не чувствовать ее
И по холмам, и по оврагам!
Земное бытие мое
Она венчает злом и благом.

Волной в ручье моем звеня,
Лаская радостное тело,
Она несет, несет меня,
Ее стремленьям нет предела.

Проснулся день, ликует твердь,
В лесу подружку птица кличет.
О сила дивная, и смерть
Твоих причуд не ограничит!

22 ноября 1899

«Плеснула рыбка под водой...»

Плеснула рыбка под водой,
И покачнулась там звезда.
Песок холодный и сырой,
А в речке теплая вода.

Но я купаться подожду,
Слегка кружится голова, —
Сперва я берегом пройду.
Какая мокрая трава!

И как не вздрогнуть, если вдруг
Лягушка прыгнет стороной,
Иль невзначай на толстый сук
Наступишь голою ногой!

Я не боюсь, но не пойму,
Зачем холодная трава,
И темный лес, и почему
Так закружилась голова.

22 ноября 1899 Миракс

«На распутьи злом и диком...»

На распутьи злом и диком
В темный час я тихо жду.
Вещий ворон хриплым криком
На меня зовет беду,
А на небе надо мною
Только грустная луна,
И тоскует ночь со мною,
И томится тишина.

От луны мерцанье в росах,
И белеет мгла вокруг.
Тихо чертит верный посох
По земле волшебный круг.
Сомкнут круг – и нет печали
В тесной области моей,
Позабыты все печали
Утомленьем горьких дней.

Он из тьмы выходит. Друг ли
Мне он тайный или враг?
У него глаза как угли,
Темен лик и зыбок шаг.
Я за дивною чертою
Для него недостижим, —
И стоит он за чертою,
Темный, зыбкий, весь как дым.

Он смеется и не хочет
В темный час признать меня.
Он томленья мне пророчит,
Взор свой пламенный склоня,
И во мглу с недобрым словом
От меня отходит он, —
Я его зловещим словом,
Вражьем словом не смущен.

Мне под солнцем горе мыкать
День за днем не привыкать.
Ночь придет, – я буду кликать
В темный час его опять,
Чтоб за дивною чертою
Погадать, поворожить, —
Только здесь лишь, за чертою,
Мне, усталому, и жить.

4 октября 1897, 2 декабря 1899

«Мне сегодня нездоровится...»

Мне сегодня нездоровится;
Злая немочь ли готовится
Одолеть меня?
С торопливой лихорадкою
Поцелуюсь ли украдкою
На закате дня?

Но не страшно мне томление, —
Это легкое кружение
Я уж испытал.
Забывается досадное,
Вспоминается отрадное,
Кроток я и мал.

Что велят мне, то и сделаю:
То сиделка ль с банкой целою
Горького питья,
Или смерть у изголовия, —
Всем готов без прекословия
Покоряться я.

6-7 декабря 1899

«Что ж, пойте, вы, артисты...»

Что ж, пойте, вы, артисты,
На разны голоса.
Уж так вы голосисты,
Что просто чудеса!

Припомнишь поневоле,
С чего, не знаешь сам,
Как волки в чистом поле
Взывают по ночам.

Потом припомнишь кстати,
И сам тому не рад,
Как дети в темной хате
Голодные пищат.

Так нервы стали слабы,
Что вспомнишь невзначай,
Как воем воют бабы:
«Последний каравай!»

Так пойте же, артисты,
На разны голоса.
Уж так вы голосисты,
Что просто чудеса!

26 декабря 1899

«Зачем, скажи...»

Зачем, скажи,
В полях, возделанных прилежно,
Среди колосьев ржи
Везде встречаем неизбежно
Ревнивые межи?

Одно и то же солнце греет
Тебя, суровая земля,
Один и тот же труд лелеет
Твои широкие поля.

Но злая зависть учредила
Во славу алчности и лжи
Неодолимые межи
Везде, где ты, земля, взрастила
Хотя единый колос ржи.

29 ноября 1892, 27 января 1900

«Порой повеет запах странный...»

Порой повеет запах странный, —
Его причины не понять, —
Давно померкший, день туманный
Переживается опять.

Как встарь, опять печально всходишь
На обветшалое крыльцо,
Засов скрипучий вновь отводишь,
Вращая ржавое кольцо, —

И видишь тесные покои,
Где половицы чуть скрипят,
Где отсырелые обои
В углах тихонько шелестят,

Где скучный маятник маячит,
Внимая скучным, злым речам,
Где кто-то молится да плачет,
Так долго плачет по ночам.

5 октября 1898 – 10 февраля 1900

«Не доживу до светлых дней...»

Не доживу до светлых дней,
Не обрету тебя, свобода,
И вдохновенного народа
Я не увижу. В мир теней,
Как от пустого сновиденья,
Я перейду без сожаленья
И без тоски. Но всё же я
Из темных недр небытия
Хотел бы встать на час единый,
Перед всемирною кончиной
Изведать ясность жития.

26 апреля 1889, 21 апреля 1900

«Объята мглою вещей теней...»

Объята мглою вещей теней,
Она восходит в темный храм.
Дрожат стопы от холода ступеней,
И грозен мрак тоскующим очам.
И будут ли услышаны моления?
Или навек от жизненных тревог
В недостижимые селенья
Сокрылся бог?

Во мгле мерцают слабые лампы,
К стопам приник тяжелый холод плит.
Темны столпов недвижные громады, —
Она стоит, и плачет, и дрожит.
О, для чего в усердьи богомольном
Она спешила в храм идти!
Как вознести мольбы о дольном!
Всему начертаны пути.

8 июня 1900

«Своеволием рока...»

Своеволием рока
Мы на разных путях бытия, —
Я – печальное око,
Ты – веселая резвость ручья;

Я – томление злое,
Ты – прохладная влага в полях, —
Мы воистину двое,
Мы на разных, далеких путях.

Но в безмолвии ночи,
К единению думы склоня,
Ты закрой свои очи,
Позабудь наваждения дня, —

И в блаженном молчаньи
Ты постигнешь закон бытия, —
Всё едино в созданыи,
Где сознанию возникнуть, там Я.

12 июня 1900

«Слышу голос милой...»

Слышу голос милой,
Вижу милый лик.
Не моей ли силой
Милый лик возник?

Разве есть иное?
В тишине долин
Мы с тобой не двое, —
Я с тобой один.

Мне ль цветком измятым
К нежной груди лгнуть!
Сладким ароматом
Мне, как прежде, будь.

25 июня 1900

«Что таскать мне эту ношу...»

Что таскать мне эту ношу,
Башмаки!
Дай-ка я их лучше сброшу
У реки.

Окуну я в воду ноги,
Посижу,
Вдоль реки и вдоль дороги
Погляжу.

За рекой я вижу крышу,
Мамин дом.
Песню сестрину я слышу
За холмом.

Мост на речке там пониже,
Где завод,
Только есть дорога ближе,
Этот брод.

Башмаки!.. Стащу ж я ношу
Кое-как,
Ну а дома их заброшу
На чердак.

Пусть лежат себе скромнее
Под замком.
Право, летом веселее
Босиком.

25 июня 1900 Миракс

«Я сам себе создал обман...»

Я сам себе создал обман,
Что будто бы чуждые руки
Мне сделали множество ран
И много медлительной муки,

Что будто бы чуждый мне взор
Терзал меня ядом презренья,
Что будто во мне мой позор
Немедленно требовал мщенья,

Что будто враги и друзья
Все стали злорадно смеяться,
И будто бы слабость моя
Меня заставляла смиряться.

Но что же? ведь надобно жить.
И были, и будут обманы,
И станут, быть может, томить
Опять небывалые раны.

25 июня 1900

«Я воскресенья не хочу...»

Я воскресенья не хочу,
И мне совсем не надо рая, —
Не опечалюсь, умирая,
И никуда я не взлечу.

Я погашу мои светила,
Я затворю уста мои,
И в несказанном бытии
Навек забуду все, что было.

25 июня 1900

«Забелелся туман за рекой...»

Забелелся туман за рекой,
Этот берег совсем не высок,
И деревья стоят над водой,
И теперь я совсем одинок.

Я в кустах поищу хворостин
И в костер их на берег сношу,
И под ними огонь воскрешу,
Посижу, помечтаю один.

И потом, по теченью реки,
Потихоньку пойду босиком, —
А завижу вдали огоньки,
Буду знать я, что близок мой дом.

27 июня 1900 Миракс

«Он промечтал всю ночь, пока в его окно...»

Он промечтал всю ночь, пока в его окно
Не бросил мутный день рассеянные взоры
Сквозь полотно
Дырявой шторы.

Он промечтал всю ночь о счастье неземном,
О счастии вовеки невозможном
Здесь, в этом крае злом
И ложном.

23 марта 1897 – 20 июля 1900

Ангел благого молчания

Грудь ли томится от зною,
Страшно ль смятение вьюг, —
Только бы ты был со мною,
Сладкий и радостный друг.

Ангел благого молчанья,
Тихий смиритель страстей,
Нет ни венца, ни сиянья
Над головою твоей.

Кротко потуплены очи,
Стан твой окутала мгла,
Тонкою влагою ночи
Веют два легких крыла.

Реешь над дольным пределом
Ты без меча, без луча, —
Только на поясе белом
Два золотые ключа.

Друг неизменный и нежный,
Тенью прохладною крыл
Век мой безумно-мятежный
Ты от толпы заслонил.

В тяжкие дни утомленья,
В ночи бессильных тревог
Ты отклонил помышленья
От недоступных дорог.

2 – 3 декабря 1900

«Я ухо приложил к земле...»

Я ухо приложил к земле,
Чтобы слышать конский топот, —
Но только ропот, только шепот
Ко мне доходит по земле.

Нет громких стуков, нет покоя,
Но кто же шепчет, и о чем?
Кто под моим лежит плечом
И уху не дает покоя?

Ползет червяк? Растет трава?
Вода ли капает до глины?
Молчат окрестные долины,
Земля суха, тиха трава.

Пророчит что-то тихий шепот?
Иль, может быть, зовет меня,
К покою вечному клоня,
Печальный ропот, темный шепот?

31 декабря 1900 Миракс

«Преодолев тяжелое косненье...»

Преодолев тяжелое косненье
И долгий путь причин,
Я сам – творец и сам – свое творенье,
Бесстрастен и один.

Ко мне струилось пламенное слово.
Блистая, дивный меч,
Архангелом направленный сурово,
Меня грозился сжечь.

Так, светлые владыку не узнали
В скитальце и рабе,
Но я разбил старинные скрижали
В томительной борьбе.

О грозное, о древнее сверканье
Небесного меча!
Убей раба за дерзкое исканье
Эдемского ключа.

Исполнил раб завещанное дело:
В пыли земных дорог
Донес меня до вечного предела,
Где я – творец и бог.

11 июня 1901

«Стремленье гордое храня...»

Стремленье гордое храня,
Ты должен тяжесть побороть.
Не отвращайся от огня,
Сжигающего плоть.

Есть яд в огне; он – сладкий яд,
Его до капли жадно пей, —
Огни высокие горят
И ярче, и больней.

И как же к цели ты дойдешь,
Когда не смеешь ты гореть?
Всё, что ты любишь, чем живешь,
Ты должен одолеть.

Пойми, что, робко плоть храня,
Рабы боятся запылать, —
А ты иди в купель огня
Гореть и не сгорать.

Из той купели выйдешь цел,
Омыт спасающим огнем...
А если б кто в огне сгорел,
Так что жалеть о нем!

13 июня 1901

«Любовью легкою играя...»

Любовью легкою играя,
Мы обрели блаженный край.
Вкусили мы веселье рая,
Сладчайшего, чем божий рай.

Лаская тоненькие руки
И ноги милые твои,
Я изнывал от сладкой муки,
Какой не знали соловьи.

С тобою на лугу несмятом
Целуясь в тени берез,
Я упивался ароматом,
Благоуханней алых роз.

Резвей веселого ребенка,
С невинной нежностью очей,
Ты лепетала звонко, звонко,
Как не лепечет и ручей.

Любовью легкою играя,
Вошли мы только в первый рай:
То не вино текло играя,
То пена била через край.

И два глубокие бокала
Из тонко-звонкого стекла
Ты к светлой чаше подставляла
И пену сладкую лила,

Лила, лила, лила, качала
Два тельно-алые стекла.
Белей лилей, алее лала
Бела была ты и ала.

И в звонах ласково-кристальных
Отраву сладкую тая,
Была милее дев лобзальных
Ты, смерть отрадная моя!

3 июля 1901

«Моя печаль в полночной Дали...»

Моя печаль в полночной Дали,
Росой обрызгана, легла.
В единственной моей печали,
В безмолвной и туманной дали,
Вся жажда жизни умерла.

Еще одной я вею страстью —
Ты, буйный ветер, страсть моя.
Ты научаешь безучастью,
Своею бешеною властью
Свежая прелесть бытия.

Всех чар бессильно обаянье,
И ни одной преграды нет.
Весь мир — недолгое мечтанье,
И радость — только созерцанье,
И разум — только тихий свет.

10 – 14 июля 1901

«Прикован тяжким тяготением...»

Прикован тяжким тяготением
К моей земле,
Я тешусь кратким сновидением
В полночной мгле.

Летит душа освобожденная
В живой эфир
И там находит, удивленная,
За миром мир.

И мимоходом воплощается
В иных мирах,
И новой жизнью забавляется
В иных телах.

20 марта 1899, 30 июля 1901

«Воля к жизни, воля к счастью, где же ты...»

Воля к жизни, воля к счастью, где же ты?
Иль навеки претворилась ты в мечты
И в мечтах неясных, и тихом полусне,
Лишь о невозможном возвещаешь мне?

Путь один лишь знаю, – долог он и крут,
Здесь цветы печали бледные цветут,
Умирает без ответа чей-то крик,
За туманом солнце скрыто, – тусклый лик.

Утомленьем и могилой дышит путь, —
Воля к смерти убеждает отдохнуть
И от жизни обещает уберечь.
Холодна и однозвучна злая речь,
Но с отрадой и с надеждой внемлю ей
В тишине, в томленьи неподвижных дней.

4 августа 1901

«Помнишь, мы с тобою сели...»

Помнишь, мы с тобою сели
На шатучие качели,
И скрипучая доска
Покачнулася слегка.

За холмами две свирели
Про любовь нам сладко пели,
И по воле ветерка
Два мелькали мотылька.

Словно в детской колыбели
Мы качались и пели,
И была твоя рука
На губах моих сладка.

Тучки на небе горели,
Мы купаться захотели,
От качелей так близка,
Заманила нас река.

8 августа 1901

«Я печален, я грешен...»

Я печален, я грешен, —
Только ты не отвергни меня.
Я твоей красотою утешен
В озареньи ночного огня.

Не украшены стены,
Желтым воском мой пол не натерт, —
Я твоей не боюсь измены,
Я великою верою тверд.

И на шаткой скамейке
Ты, босая, сидела со мной,
И в тебе, роковой чародейке,
Зажигался пленительный зной.

Есть у бедности сила, —
И печалью измученный взор
Зажигает святые светила,
Озаряет великий простор.

12 августа 1901

«Ты в стране недостижимой...»

Ты в стране недостижимой,
Я в больной долине снов.
Друг, томительно любимый,
Слышу звук твоих шагов.

Содрогаясь, внемлю речи,
Вижу блеск твоих очей, —
Бледный призрак дивной встречи,
Привидение речей.

Расторгают евмениды
Между нами все пути.
Я – изгнанник, все обиды
Должен я перенести,

Жизнью скучной и нелепой
Надо медленно мне жить,
Не роптать на рок свирепый
И о тайном ворожить.

12 августа 1901

«Есть тропа неизбежная...»

Есть тропа неизбежная
На крутом берегу, —
Там волшебница нежная
Запыхалась в бегу.

Улыбается сладкая
И бежит далеко.
Юность сладкая, краткая,
Только с нею легко.

Пробежит – зарумянится,
Улыбаясь, лицо,
И кому-то достанется
Золотое кольцо...

Рокового, заклётого
Не хотеть бы кольца,
Отойти б от крылатого
Огневого гонца.

12 августа 1901

«Грустное слово – конец...»

Грустное слово – конец!
Милое слово – предел!
Молотом скован венец,
Золотом он заблестел.

Ужас царил на пути.
Злобно смеялась нужда.
Злобе не льсти и не мсти, —
Вечная блещет звезда.

12 августа 1901

«Окрест – дорог извилистая сеть...»

Окрест – дорог извилистая сеть.
Молчание – ответ взывающим.
О, долго ль будешь в небе ты висеть
Мечом, бессильно угрожающим?

Была пора, – с небес грозил дракон,
Он видел вдаль, и стрелы были живы.
Когда же он покинет небосклон,
Всходили вестники, земле не лживы,

Обвеяны познанием кудес,
Являлись людям звери мудрые.
За зельями врачующими в лес
Ходили ведьмы среброкудрые.

Но все обман, – дракона в небе нет,
И ведьмы так же, как и мы, бессильны.
Земных судеб чужды пути планет,
Пути земные медленны и пыльны.

Страшна дорог извилистая сеть,
Молчание – ответ взывающим.
О, долго ль с неба будешь ты висеть
Мечом, бессильно угрожающим?

14 августа 1901

Ведьме

Поклонюсь тебе я платой многою, —
Я хочу забвенья да веселия, —
Ты поди некошною дорогою,
Ты нарви мне ересного зелия.

Белый саван брошен над болотами,
Мертвый месяц поднят над дубравою, —
Ты пройди заклетыми воротами,
Ты приди ко мне с шальной пошавою.

Страшен навий след, но в нем забвение,
Горек омег твой, но в нем веселие,
Мертвых уст отрадно дуновение, —
Принеси ж мне, ведьма, злое зелие.

14 августа 1901

«Жизнь проходит в легких грезах...»

Жизнь проходит в легких грезах,
Вся природа – тихий бред,
И не слышно об угрозах,
И не видно в мире бед.

Успокоенное море
Тихо плещет о песок.
Позабылось в мире горе,
Страсть погибла, и порок.

Век людской и тих, и долог
В безмятежной тишине,
Но – зачем откинуть полог,
Если въявь как и во сне?

15 августа 1901

«Он песни пел, пленял он дев...»

Он песни пел, пленял он дев,
Владел и шпагой и гитарой.
Пройдет – и затихает гнев
У ведьмы даже самой яркой.

И жен лукавая хвала,
И дев мерцающие взоры!
Но бойтесь – у богини зла
Неотвратимы приговоры.

Она предстала перед ним
В обличьи лживой девы нежной,
Одежда зыблилась, как дым,
Над дивной грудью белоснежной.

Он был желаньем уязвлен,
Она коварно убегала,
За ней бежал все дальше он,
Держась за кончик покрывала, —

И увлекла в долину бед,
И скрылась на залятом берегу,
И на проклятый навий след
Он наступил в безумном беге.

И цвет очей его увял,
И радость жизни улетела,
И тяжкий холод оковал
Его стремительное тело.

И тает жизнь его, как дым.
В тоске бездейственно-унылой
Живет он, бледный нелюдим,
И только ждет он смерти милой.

15 августа 1901

«Прохладная забава...»

Прохладная забава, —
Скамейка челнока,
Зеленая дубрава,
Веселая река.

В простой наряд одета,
Сидишь ты у руля,
Ликующее лето
Улыбкою хваля.

Я тихо подымаю
Два легкие весла.
Твои мечты я знаю, —
Душа твоя светла.

Ты слышишь в лепетаньи
Прозрачных, тихих струй
Безгрешное мечтанье,
Невинный поцелуй.

15 августа 1901

«Прозрачный сок смолистый...»

Прозрачный сок смолистый,
Застывший на коре.
Пронизан воздух мглистый
Мечтаньем о заре.

Скамейка у забора,
Далекий плеск реки.
Расстаться надо скоро...
Пожатие руки...

Ты скрылась в тень густую
В замолкнувшем саду.
Гляжу во мглу ночную,
Один в полях иду.

Застенчивой весною,
Стыдяся белых ног,
Не ходишь ты со мною
Просторами дорог.

Но только ноги тронет
Едва-едва загар,
Твой легкий стыд утонет
В дыханьи вешних чар.

И в поле ты, босая, —
В платочке голова, —
Пойдешь, цветкам бросал
Веселые слова.

15 августа 1901

«Не я воздвиг ограду...»

Не я воздвиг ограду,
Не мне ее разбить.
И что ж! найду отраду
За той оградой быть.

И что мне помешает
Воздвигнуть все миры,
Которых пожелает
Закон моей игры?

Я призрачную, душу
До неба вознесу,
Воздвигну – и разрушу
Мгновенную красу.

Что бьется за стеною —
Не все ли мне равно!
Для смерти лишь открою
Потайное окно.

23 сентября 1901

«Я страшною мечтой томительно встревожен...»

Я страшною мечтой томительно встревожен:
Быть может, этот мир, такой понятный мне,
Такой обильный мир, весь призрачен, весь ложен,
Быть может, это сон в могильной тишине.

И над моей томительной могилой
Иная жизнь шумит, и блещет, и цветет,
И ветер веет пыль на крест унылый,
И о покойнике красавица поет.

31 января 1895, 25 ноября 1901

«Порочный отрок, он жил один...»

Порочный отрок, он жил один,
В мечтах и сказках его душа цвела.
В тоске туманной больных долин
Его подругой была ночная мгла.

Она вплетала в его мечты
И зной и холод – отраву злых болот.
Очарованье без красоты!
Твои оковы никто не разорвет.

9 января 1902

«Безгрешный сон...»

Безгрешный сон,
Святая ночь молчанья и печали!
Вы, сестры ясные, взошли на небосклон
И о далеком возвещали.

Отрадный свет
И на земле начертанные знаки!
Вам, сестры ясные, земля моя в ответ
Взрастила грезящие маки.

В блестящем дне
Отрада есть — надежда вдохновенья.
О сестры ясные, одна из вас ко мне
Сошла в тумане сновиденья!

10 января 1902

«Неустанное в работе...»

Неустанное в работе
Сердце бедное мое, —
В несмолкающей заботе
Ты житье куешь мое.

Воля к жизни, воля злая,
Направляет пылкий ток, —
Ты куешь, не уставая,
Телу радость и порок.

Дни и ночи ты торопишь,
Будишь, слабого, меня
И мои сомненья топишь
В нескончаемости дня.

Я безлепицей измучен.
Житие клянущее мое.
Твой тяжелый стук мне скучен,
Сердце бедное мое.

12 января 1902

«Тропинка вьется...»

Тропинка вьется,
Река близка,
И чья-то песня раздаётся
Издалека.

Из-за тумана,
Струясь, горя,
Восходит медленно и рано
Моя заря.

И над рекою
Проходишь ты,
Цветут над мутной глубиною
Твои мечты.

И нет печали
И злых тревог, —
Росинки смехом задрожали
У милых ног.

14 января 1902

«Вдали от скованных дорог...»

Вдали от скованных дорог,
В сиянии заката,
Прикосновеньем нежным ног
Трава едва примята.

Прохлада веет от реки
На знойные ланиты,
И обе стройные руки
Бестрепетно открыты.

И разве есть в полях цветы
И на небе сиянье?
Улыбки, шепот, и мечты,
И тихое лобзанье.

14 января 1902

«Как часто хоронят меня...»

Как часто хоронят меня!
Как часты по мне панихиды!
Но нет для меня в них обиды,
Я выше и Ночи и Дня.

Усталостью к отдыху клонят,
Болезнями тело томят,
Печальями со света гонят
И ладаном в очи дымят.
Мой путь перед ними не понят,
Венец многоцветный измят, —
Но, как ни поют, ни хоронят,
Мой свет от меня не затмят.

Оставьте ненужное дело,
Направьте обратно ладью,
За грозной чертою предела
Воздвигнул я душу мою.
Великой зарею зарделся
Любовь, к моему бытию.
Вселенское, мощное тело
Всемирной душе создаю.

Ладью мою вечно стремится
К свершению творческих дел —
И если найдете предел,
Отпойте меня, схороните!

16 апреля 1902

«Никто не убивал...»

Никто не убивал,
Он тихо умер сам, —
Он бледен был и мал,
Но рвался к небесам.

А небо далеко,
И даже — неба нет.
Пойми — и жить легко, —
Ведь тут же, с нами, свет.

Огнем горит эфир,
И ярки наши дни, —
Для ночи знает мир
Внезапные огни.

Но он любил мечтать
О пресвятой звезде,
Какой не отыскать
Нигде — увы! — нигде!

Дороги к небесам
Он отыскать не мог,
И тихо умер сам,
Но умер он, как бог.

21 апреля 1902

«В предутренних потьмах я видел злые сны...»

В предутренних потьмах я видел злые сны.
Они меня до срока истомили.
Тоска, томленье, страх в работу вплетены,
В сиянье дня – седые космы пыли.
Предутренние сны, безумной ночи сны, —
На целый день меня вы отравили.

Есть белый нежный цвет, – далек он и высок,
Святая тень, туманно-голубая.
Но мой больной привет начертан на песок,
И тусклый лень, так медленно ступая,
Метет сухой песок, медлительно жесток.
О жизнь моя, безжалостно-скупая!

Предутренного сна больная тишина,
Немая грусть в сияньи Змия,
Святые ль наизусть твердишь ты имена,
Ты, мудрая жена седого Вия,
Предутренного сна больная тишина,
Но где ж твои соперницы нагие?

Иль тусклой пеленой закроется закат,
И кто за ним, то будет Тайной снова,
И мертвой тишиной мучительно объят,
Сойду к Иным без творческого Слова?
Мучительный закат, безжалостный закат,
Последний яд, усмешка Духа Злого.

21 апреля 1902

«Твоя душа – кристалл, дрожащий...»

Твоя душа – кристалл, дрожащий
В очарованьи светлых струй.
Но что ей в жизни предстоящей?
Блесни, исчезни, очаруй!

В очарованиях бессилен
Горящий неизменно здесь.
Наш дольний воздух смрадно-пылен,
Душе мила иная весь.

29 апреля 1902

«Балалайка моя...»

Балалайка моя,
Утешай-ка меня,
Балалаечка!
У меня ли была,
И жила, и цвела
Дочка Раечка.

Пожила, умерла,
И могила взяла
Дочку Раечку, —
Ну и как мне не пить,
Ну и как не любить
Балалаечку!

Что взгляну на мою
Балалаечку,
То и вспомню мою
Дочку Раечку.

29 апреля 1902

«Моя усталость выше гор...»

Моя усталость выше гор,
Во рву лежит моя любовь,
И потускневший ищет взор,
Где слезы катятся и кровь.

Моя усталость выше гор,
Не для земли ее труды...
О, темный взор, о, скучный взор,
О, злые, страшные плоды!

10 мая 1902

«Ветер тучи носит...»

Ветер тучи носит,
Носит вихри пыли.
Сердце сказки просит
И не хочет были.

Сидеть за стеною, работником быть, —
О ветер, ты мог бы и стены разбить!

Ходить по дорогам из камней и плит, —
Он только тревожит, он только скользит!

И мертвые видеть повсюду слова, —
Прекрасная сказка навеки мертва.

23 мая 1902

«Изнемогающая вялость...»

Изнемогающая вялость,
За что-то мстящая тоска,
В долинах – бледная усталость,
На небе – злые облака.

Не видно счастья голубого,
Его затмили злые сны.
Лучи светила золотого
Седой тоской поглощены.

9 июня 1902

«Иду в лесу. Медлительно и странно...»

Иду в лесу. Медлительно и странно
Вокруг меня колеблется листва.
Моя мечта, бесцельна и туманна,
Едва слагается в слова.
И знаю я, что ей слова не нужны, —
Она дыхания нежней,
Ее вещания жемчужны,
Улыбки розовы у ней.
Она — краса лесная,
И все поет в лесу,
Хвалою радостной венчая
Ее красу.

13 июня 1902

«Холодная, жестокая земля...»

Холодная, жестокая земля!
Но как же ты взрастила сладострастие?
Твои широкие, угрюмые поля
Извели ненастье, но и счастье.

Сама ли ты надежды родила,
Сама ли их повела злаками?
Или сошла с небес богиня зла,
Венчанная таинственными знаками,

И низвела для дремлющей земли
Мечты коварные с обманами,
И злые гости облекли
Тебя лазурными туманами?

15 июня 1902

«Державные боги...»

Державные боги,
Властители радостных стран!
Устал я от трудной дороги,
И пылью покрылися ноги,
И кровью из ран.

Так надо, так надо, —
Мне вещей ваш ворон твердит.
В чертогах небесных отрада —
За труд и за муки награда,
За боль и за стыд.

Меня бы спросили,
Хочу ли от вас я венца!
Но вашей покорен я силе,
Вы тайно меня победили,
И к вам я иду до конца.

А есть и короче,
Прямой и нетрудный есть путь, —
Лишь только в безмолвии ночи
Мгновенною молнией в очи
Себе самовольно блеснуть.

Его отвергаю,
Я вам покориться хочу.
Живу и страдаю, и знаю,
Что ваши пути открываю,
Иду и молчу.

15 июня 1902

«Мы скучной дорогою шли...»

Мы скучной дорогою шли
По чахлой равнине.
Уныло звучали шаги
На высохшей глине,
А рядом печально росли
Березки на кочках.
Природа больная! солги
В колосьях, в цветочках.

Обмана мы жаждем и ждем,
Мы жаждем обмана.
Мы рвемся душой к небесам
Из царства тумана

Мы скучной дорогой идем
Вдоль скудного поля.
Томительно грезится нам

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.